

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ ПО ВОПРОСАМЪ О РАСКОЛѢ.

1. Что нужно, чтобы ослабить и даже уничтожить расколъ.

I.

«Расколъ—плодъ невѣжества; дайте въ руки расколънику грамматику, и расколъ не существуетъ. Онъ тогда будетъ читать свои же книги, которыя его же осудятъ».

Вотъ какъ легко рѣшается вопросъ о прекращеніи раскола въ русской церкви: нужно дать въ руки раскольникамъ грамматику—и раскола не существуетъ!

На такое оптимистически-смѣлое заявленіе не стоило бы, конечно, обращать вниманіе, если бы оно не принадлежало столь извѣстному о. Пафнутію. По крайней мѣрѣ приведенныя слова обнаружены какъ принадлежащія именно о. Пафнутію однимъ *Русскимъ*, не такъ давно встрѣтившимся съ нимъ и бесѣдовавшимъ въ Бѣлой-Кривницѣ (см. *Церков. Вѣстн.* 1900 г. № 8).

Отецъ Пафнуцій — человекъ въ совершенствѣ знающій расколъ, — въ расколѣ родился и провелъ почти сорокъ лѣтъ жизни, былъ раскольническимъ епископомъ, очень извѣстнымъ и вліятельнымъ; онъ и теперь живетъ въ раскольнической средѣ, имѣетъ всѣ средства ближайшимъ образомъ наблюдать за положеніемъ раскола: его отзывъ о расколѣ повтому долженъ имѣть особенно важное значеніе. Притомъ же онъ высказалъ мнѣніе довольно распространенное у насъ, особенно среди свѣтскихъ писателей, трагующихъ о расколѣ.

(Отдѣльный оттискъ изъ *Душеполезнаго Чтенія* 1900—1901 гг.).

2014141641

И однако согласиться съ такимъ заявленіемъ и мнѣніемъ нельзя.

Во-первыхъ, самая аргументація его не выдерживаетъ критики. Грамматика, или точнѣе—грамотность, школьное образованіе признаются рѣшительнымъ средствомъ для прекращенія раскола потому, что «расколъ есть плодъ невѣжества». Уничтожьте невѣжество, причину раскола: не останется и раскола.

Есть, конечно, большая доля правды въ этомъ, очень также распространено мнѣніе, что расколъ произведенъ и держится невѣжествомъ, но только именно доля, хотя и весьма значительная. Происхожденію раскола способствовали, равно какъ способствуютъ его поддержанію доселѣ, и другія не менѣе и даже болѣе важныя причины. Если держаться указанной, въ сущности справедливой, аргументаціи, то надобно говорить: уничтожьте всю совокупность причинъ вызвавшихъ и поддерживающихъ расколъ, и раскола не будетъ. А устраненія одного только присущаго расколу невѣжества недостаточно для этого.

И сама живая дѣйствительность,—то, что мы видѣли и видимъ въ расколѣ,—доказываетъ, что незнаніе грамматики, отсутствіе школьнаго образованія не составляетъ еще рѣшительнаго препятствія къ выходу изъ раскола, равно какъ усвоеніе грамматическихъ, вообще научныхъ знаній, даже полное школьное образованіе не служатъ вѣрнымъ къ тому способомъ. За примѣрами, доказывающими это, ходить недалеко. Самому о. Пафнутію не грамматика, въ званіи которой онъ былъ не очень силенъ, и не школьное образованіе, котораго онъ совсѣмъ не имѣлъ, помогли усмотрѣть и понять всю ложь раскола, даже ясно указать и открыть ее другимъ, такъ что онъ сдѣлался инициаторомъ извѣстнаго обращенія къ церкви епископовъ и другихъ членовъ австрійской іерархіи. Еще болѣе яркій примѣръ представляетъ о. Павелъ Прусскій. Для него грамматика до конца жизни осталась чуждою, онъ даже не особенно заботился объ усвоеніи ея правилъ и также ни въ

какой школѣ не учился; однакоже твердо и послѣдовательно пришелъ къ выходу изъ тьмы раскола, притомъ безпоповщинскаго раскола, на свѣтъ православія, сдѣлался замѣчательнѣйшимъ въ наше время защитникомъ церкви противъ раскола, оставилъ въ наслѣдіе намъ такія сочиненія, которыя своимъ появленіемъ образовали эпоху въ нашей противораскольнической литературѣ, самъ непосредственно своею проповѣдію и чрезъ посредство многочисленныхъ учениковъ своихъ, сдѣлавшихся проповѣдниками православія среди раскольниковъ, привелъ изъ раскола въ церковь тысячи заблуждавшихся. А вотъ братья Денисовы изучили въ совершенствѣ и грамматику, и риторику, и поэзію, и даже философію, писали съ безукоризненною въ грамматическомъ отношеніи правильностію, усвоивъ вполне господствовавшую тогда въ духовной и свѣтской литературѣ латинскую конструкцію рѣчи, отличались даже ухищреннѣйшимъ витійствомъ, образовали въ безпоповщинѣ цѣлую литературную школу, послѣдователи которой также твердо знали и грамматику и риторику. И однако вся эта «ученость» не только не вывела ихъ изъ раскола въ церковь, а еще сдѣлалась для нихъ орудіемъ для защиты раскола противъ церкви,—въ теченіе всей жизни они боролись этимъ орудіемъ съ защитниками православія и въ своихъ «Поморскихъ Отвѣтахъ» и другихъ сочиненіяхъ, наполненныхъ всякаго рода ухищреніями и діалектическими тонкостями, оставили въ наслѣдіе расколу такое пособіе для его защиты и даже для нападеній на церковь, которымъ и доселѣ онъ продолжаетъ пользоваться. И въ наше время Онисимъ Шведовъ, именуемый епископъ Арсеній, несомнѣнно знакомый съ грамматикой, достигъ того, что пишетъ почти совсѣмъ грамотно, поучился немного даже и по-гречески (это занятіе онъ оставилъ, какъ только понялъ, что знаніе греческаго языка ведетъ не къ оправданію раскола); но усвоеніе научныхъ свѣдѣній не только не привело его къ уразумѣнію ложности раскола, а какъ будто еще болѣе укрѣпило въ расколѣ, и не удержало отъ про-

повѣди дотолѣ невѣдомыхъ въ расколѣ лжеученій. Написавъ много сочиненій, наполненныхъ этими лжеученіями, придуманными въ защиту собственно австрійскаго раскола, Швецовъ сдѣлался для него въ нѣкоторой степени тѣмъ же, чѣмъ былъ Андрей Денисовъ для безпоповщинскаго раскола, хотя, разумѣется, ни умомъ, ни знаніями, ни талантами не можетъ идти и въ сравненіе съ нимъ. А питомцы Швецова, новѣйшіе раскольническіе писатели австрійскаго согласія, усвоили себѣ не только знаніе грамматикки, но и искусство писать съ примѣчательной бойкостью современнымъ литературнымъ языкомъ; однакоже доселѣ, можно сказать, не было видно и слышано въ раскольнической литературѣ такого озлобленія противъ церкви и такой запальчивой защиты раскола, какія встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ этихъ новыхъ раскольническихъ писателей, которымъ, очевидно, знаніе грамматикки не внушило ни малѣйшаго желанія оставить расколъ. Впрочемъ объ этой новѣйшей раскольнической литературѣ, ея характерѣ и значеніи, надо поговорить когда-нибудь особо; а теперь нужно было только показать, какъ далеко отъ правды это положеніе, что будто бы достаточно дать въ руки раскольникамъ грамматикку, и расколъ не будетъ существовать.

Грамотность и вообще образованіе, притомъ правильное образованіе, несомнѣнно нужны нашимъ старообрядцамъ и должны имѣть на нихъ доброе вліяніе; но нельзя видѣть въ грамотности и образованіи могущественное, тѣмъ болѣе единственное средство къ прекращенію раскола.

II.

Объяснено и то, какъ грамматикка, если дать ее въ руки раскольникамъ, приведетъ будто бы къ уничтоженію раскола: «тогда они будутъ читать свои же книги, которыя ихъ осудятъ».

Съ объясненіемъ этимъ также нельзя согласиться. Старообрядцы, — настоящіе, искренніе старообрядцы, — всегда

усердно читали и доселѣ съ усердіемъ читаютъ свои, т.-е. старопечатныя, довиконновскаго изданія, книги и безъ помощи грамматикки хорошо понимаютъ то, что читаютъ въ нихъ,—и составъ и смыслъ рѣчи; только не могутъ они понять, что многое изъ этого читаемаго ими прямо и ясно обличаетъ неправду раскола, обличаетъ ихъ самихъ въ отступленіи отъ церкви,—и понять это не поможетъ имъ грамматикка. Не въ грамматикѣ тутъ дѣло, а въ томъ, что на внутреннихъ очахъ старообрядца, на умѣ его и сердцѣ, лежитъ покрывало, которое не даетъ ему видѣть, понять и почувствовать, что любимыя и уважаемыя имъ книги, которымъ онъ вполне вѣритъ, ясно обличаютъ неправду раскола и зовутъ его къ церкви.

Въ этомъ отношеніи наши старообрядцы представляютъ точное подобіе евреевъ, о которыхъ писалъ Апостолъ Павелъ: *донинѣ, когда читаютъ Моисея (Ветхій Заветъ) покрывало лежитъ на сердцѣ ихъ; но когда обращаются къ Господу, тогда покрывало сіе снимается* (2 Коринѣ. III, 15—16).

Для евреевъ покрываломъ служатъ ихъ гордое мнѣніе о себѣ, какъ о чадахъ Авраама, ихъ мечты о Мессіи, какъ земномъ всемірномъ обладателѣ, ихъ упованіе на достиженіе праведности чрезъ храненіе субботы и прочихъ предписаній закона. Когда они читаютъ Моисея, т.-е. книги Ветхаго Завета, покрывало это мѣшаетъ имъ усмотрѣть преднаписаннаго въ сихъ книгахъ Христа и увѣровать въ Него.

У нашихъ старообрядцевъ лежитъ на сердцѣ также покрывало предубѣжденій противъ церкви, гордой увѣренности въ своемъ «древлеправославіи» и въ томъ, что для спасенія необходимо болѣе всего храненіе двуперстія и прочихъ именуемыхъ старыхъ обрядовъ. Это покрывало и мѣшаетъ имъ при чтеніи ихъ собственныхъ старопечатныхъ книгъ усмотрѣть содержащееся въ этихъ же книгахъ оправданіе церкви и осужденіе раскола.

Объ евреяхъ Апостолъ говоритъ, что тогда покрывало

снимается съ ихъ очей и въ книгахъ Ветхаго Завета они тогда видятъ преднаписаннаго Христа, познаютъ Его и вѣрують въ Него, когда обращаются ко Господу, т.-е. когда Самъ Господь, привлеченный ихъ готовностью принять Его, касается ихъ сердца.

Такъ же всего справедливѣе разсуждать и относительно обращенія ко Христу, т.-е. къ истинной Церкви Христовой, нашихъ старообрядцевъ, блуждающихъ во тьмѣ раскола съ покрываломъ на сердцѣ, закрывающимъ отъ нихъ столь ясно въ ихъ же собственныхъ книгахъ указанную имъ эту истинную Церковь Христову. Нужно, чтобы они искренно *обратились ко Господу*: тогда Господь Своєю благодатию коснется ихъ сердца и покрывало снимется съ него, тогда увидятъ они, что «ихъ же собственные книги осуждаютъ ихъ», что необходимо оставить, и оставить, расколъ, необходимо сдѣлаться, и сдѣлаются, членами истинной Церкви Христовой, которую указываютъ имъ эти книги, — тогда они изумятся даже, какъ, столь часто читая эти книги, доселѣ не видѣли въ нихъ столь яснаго обличенія расколу и призыва въ Церковь.

Безъ этого, безъ содѣйствія благодати Божіей, привлеченной готовностью принять ее, или, что тоже, *обращеніемъ* къ Богу, ни грамматика и никакая наука не приведутъ къ прекращенію раскола.

III

И говорить можно не вообще о прекращеніи раскола, а объ выходѣ изъ раскола отдѣльныхъ лицъ, семействъ, или же и цѣлыхъ обществъ, руководимыхъ въ этомъ обращеніи познавшими истину, полнымъ ихъ довѣріемъ пользующимися, учителями и наставниками. Совершаясь постепенно и непрерывно, эти частныя обращенія изъ раскола должны, разумѣется, въ концѣ концовъ привести къ полному ослабленію, или даже уничтоженію раскола. Вотъ эти-то именно обращенія изъ раскола, долженствующія со временемъ привести къ паденію самаго раскола, начина-

ются и совершаются не иначе, какъ при содѣйствіи благодати Божіей. *Никтоже придетъ ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его* (Иоан. VI, 44).

Но благодать Божія дѣйствуетъ не насильственно, не стѣсняетъ свободы человѣка, не вторгается въ душу противъ ея воли и желанія. Нужно, чтобы самъ человѣкъ возымѣлъ желаніе принять ее. *Стою и толку* (Апок. III, 20): нужно отворить дверь толкующему. Нужно, по Апостолу, *обратиться ко Господу*, и тогда *снимется покрывало*. А для того, чтобы возжелать просвѣщенія благодатию, чтобы *обратиться ко Господу*, нужно прежде всего отложить гордость, которая, въ неразрывной связи съ невѣжествомъ, была исходнымъ началомъ раскола и служить доселѣ основой его бытія, — гордость своимъ «древлеправославіемъ» и «благочестіемъ», состоящими собственно въ непоколебимомъ храненіи двуперстія, сугубой аллилуйи и проч., — гордость, не позволяющую коснуться ни единой іоты въ ученіи объ этихъ «догматахъ» раскола, соединенную съ презрѣніемъ и ненавистію ко всему человѣчеству, не принимающему раскольническихъ ученій, какъ состоящему будто бы въ ереси и осужденному на гибель. Эта гордость, неразрывно сопутствуемая невѣжествомъ, какъ и невѣжество, сопутствуемое гордостью, — основная ткань той завѣсы, которая лежитъ на духовныхъ очахъ раскольника и мѣшаетъ ему усмотрѣть истинную Церковь Христову, въ его же книгахъ ему указанную. И вотъ, когда устраняется хотя немного эта гордость, приподнимается хотя самый малый край завѣсы, колеблется хотя нѣсколько эта слѣпая увѣренность раскольника въ его будто бы несомнѣнномъ «древлеправославіи» и «благочестіи», благодать Божія является на помощь ему и постепенно снимается вся завѣса съ его очей, — расколъ является именно расколомъ и Церковь возстаетъ предъ нимъ въ своемъ истинномъ достоинствѣ, во всей неповрежденной чистотѣ своей, по указанію его же собственныхъ книгъ, которыя онъ читаетъ уже *откровеннымъ лицомъ*.

Это внутреннее, духовное перерождение старообрядца под воздействием благодати Божией, соответственно личным свойствам каждого, совершается неодинаково. Иные проходят путь строго-последовательного разсмотрѣнія и рѣшенія всѣхъ вопросовъ о Церкви и расколѣ: примѣръ можно указать въ чрезвычайно интересной и поучительной исторіи обращенія о Павла изъ безпоповщины въ православіе. Другимъ достаточно увидѣть ясно невѣрность нѣсколькихъ, дотошъ свято чтимыхъ ими, раскольническихъ «догматовъ», чтобы немедленно отвергнуть расколъ,—отъ многихъ бывшихъ старообрядцевъ дѣйствительно приходилось слышать, что имъ достаточно было увидѣть ложь нѣсколькихъ только пунктовъ въ ученіи раскола, чтобы почувствовать, что съ глазъ какъ будто спадаетъ пелена и дѣлается ясною для нихъ истина православія. Это подтверждаютъ и многочисленныя, въ *Братскомъ Словѣ* напечатанныя, автобіографіи присоединившихся къ Церкви старообрядцевъ, отличающіяся несомнѣнною искренностью и представляющія большой интересъ именно въ томъ отношеніи, что указываютъ читателю тѣ пути, какими благодать Божія вывела ихъ изъ тьмы раскола. Лишены надежды на выходъ изъ этой тьмы только тѣ жертвы раскола, которыя упорно не допускаютъ и мысли о сомнительности ихъ религіознаго положенія, т. е. совершенно ослѣплены духовной гордостью; а коль скоро старообрядецъ начинаетъ размышлять, и размышлять искренно, безъ предубѣжденія о вопросахъ, касающихся Церкви и раскола, онъ уже не проченъ расколу и, подъ воздействием благодати Божией, несомнѣнно придетъ къ Церкви,—*взыщеть Господа и снимется завѣса съ сердца его.*

Рѣчь идетъ, повторяю опять, объ искреннихъ старообрядцахъ, преданныхъ старообрядчеству душой и сердцемъ, полагающихъ въ немъ надежду спасенія: здѣсь только, въ средѣ такихъ старообрядцевъ, возможны тѣ обращенія къ Церкви подъ воздействием предваряющей благодати Божией, которыя, совершаясь постепенно и непрерывно, могутъ привести къ полному ослабленію и паденію раскола.

Кромѣ этихъ искреннихъ старообрядцевъ есть въ расколѣ и еще два рѣзко выдѣляющіеся разряда его последователей: одинъ составляютъ люди въ сущности совершенно равнодушные къ расколу и религіи вообще, вовсе не интересующіеся вопросами о вѣрѣ и не рассуждающіе объ нихъ, но все же крѣпко держащіеся раскола по привычкѣ, по семейнымъ, торговымъ и инымъ житейскимъ отношеніямъ и соображеніямъ,—это большею частію богатый классъ старообрядцевъ, занятый своими коммерческими дѣлами, преданный всякаго рода удовольствіямъ, какія къ полному обилію доставляетъ имъ ихъ богатство, и наконецъ тронутый цивилизаціей во всѣхъ ея видахъ; другой—составляютъ старообрядцы не только равнодушные къ расколу, но и сознающіе его несостоятельность, понимающіе его лживость, и однакоже съ упорствомъ и рѣдкой беззащитчивостью даже открыто защищающіе его по расчетамъ чисто личнымъ,—это бѣльшая часть раскольническихъ поповъ (австрійскаго поставленія) и нынѣшнихъ раскольническихъ литераторовъ (австрійскаго же согласія). На обращеніе тѣхъ и другихъ изъ раскола къ Церкви нельзя имѣть надежды, да и пріобрѣтеніе ихъ едва ли будетъ истиннымъ пріобрѣтеніемъ для Церкви. И не объ нихъ, а именно о тѣхъ искреннихъ старообрядцахъ, о которыхъ говорено выше, должны прилагать особенное, преимущественное попеченіе пастыри Церкви, чтобы извлечь ихъ изъ тьмы раскола, расположивъ ихъ къ воспріятію спасающей благодати Божией.

IV.

Какъ извлечь? Какъ достигнуть того, чтобы поколебать гордую самоувѣренность старообрядца, уповающаго на свое «древлеправославіе», полагающаго въ немъ надежду спасенія? Какъ расположить его къ воспріятію благодати Божией,—къ тому, чтобы онъ *обратился ко Господу*, и тѣмъ способствовать *снятію покровы* съ очей его?

Несомненно, вѣрнѣйшимъ къ тому способомъ служить раскрытіе старообрядцу истины православія и неправды раскола на устныхъ бесѣдахъ и посредствомъ печатнаго слова.

Что бы ни говорили противъ устныхъ бесѣдъ со старообрядцами, о ихъ будто бы совершенной бесплодности, онѣ безъ сомнѣнія приносятъ свою долю пользы и служатъ къ вразумленію раскольниковъ и ослабленію раскола. Нужно только проповѣднику истины православія знать и помнить, что не иначе онъ можетъ расположить старообрядца къ воспріятію спасающей и просвѣщающей благодати Божіей, какъ только при содѣйствіи той же благодати, съ помощію Самого Господа, Который даетъ силу и дѣйственность слову проповѣди, дѣластъ его помазаннымъ, а потому долженъ и начинать и вести бесѣду съ заблуждающимся въ кроткомъ, смиренномъ и молитвенномъ расположеніи духа, привлекающемъ эту благодатную помощь свыше. Такое внутреннее устройство проповѣдника необходимо прежде всего. Затѣмъ нужно хорошо знать, какъ и о чемъ бесѣдовать. У о. Павла есть превосходное сочиненіе, изданное и отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ: «Бесѣда съ православнымъ священникомъ о томъ, что нужно для успѣшнаго дѣйствованія въ обращеніи глаголемыхъ старообрядцевъ къ православной Церкви». Это сочиненіе — плодъ многолѣтняго жизненнаго опыта и ближайшаго знакомства съ духомъ раскола составляетъ драгоценное и необходимое пособіе для каждаго противораскольническаго миссіонера и должно быть его настольною книгою. Здѣсь указанъ вѣрный путь, какъ достигнуть того, чтобы расположить старообрядца къ самоиспытанію, поколебать въ немъ гордую увѣренность въ непогрѣшимости его вѣрованій, а затѣмъ уже, при помощи благодати Божіей, довести и до полнаго признанія неправоты раскола. Бесѣда, веденная въ такомъ духѣ и порядкѣ, какъ здѣсь указано, наединѣ ли со старообрядцемъ, или же публично, а особенно наединѣ, несомнѣнно приведетъ

къ желаемымъ послѣдствіямъ. Съ какимъ бы жаромъ и упорствомъ ни защищаль онъ расколъ во время бесѣды, особенно публичной, но потомъ, оставшись одинъ и съ большимъ спокойствіемъ размышляя о томъ, что слышалъ на бесѣдѣ, онъ невольно вспомнитъ хотя немного, хотя что-нибудь еще тогда, на самой бесѣдѣ, запавшее ему въ душу, но тогда, въ жару преній, рѣзко имъ отвергнутое, о чемъ и размыслить теперь съ должнымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ: это будетъ уже началомъ его *обращенія ко Господу*, т.-е. къ истинной Церкви Христовой, этимъ уже приподнимется съ очей его край завѣсы, скрывающей отъ него сію Церковь, столь ясно указанную въ его же собственныхъ книгахъ.

Не менѣе, и даже болѣе вѣрнымъ средствомъ благотворнаго дѣйствованія на старообрядцевъ, а слѣдовательно и средствомъ къ прекращенію раскола, служатъ печатныя книги, разумѣется, составленныя вполне хорошо, съ совершеннымъ знаніемъ раскола и умѣнемъ говорить о расколѣ (образцомъ такихъ опять таки слѣдуетъ назвать сочиненія о. Павла). Книгу старообрядецъ будетъ читать (когда рѣшится читать) несомнѣнно спокойно и внимательно, нежели слушать устную, особенно публичную бесѣду. Если онъ приступитъ къ чтенію и съ предубѣжденіемъ, съ недоувѣрчивостью, но найдетъ же въ ней что-либо такое, что невольно остановитъ его вниманіе какъ несомнѣнная истина и побудитъ его съ большимъ вниманіемъ и довѣріемъ отнестись потомъ и ко всему содержанію книги, а съ тѣмъ вмѣстѣ заставитъ подумать о своемъ религіозномъ положеніи, что и будетъ началомъ его обращенія къ Церкви, имѣющаго совершиться подъ воздѣйствіемъ благодати Божіей. Поэтому для ослабленія раскола и нужно заботиться особенно о распространеніи среди старообрядцевъ хорошихъ сочиненій о расколѣ.

2. Православны ли и единомысленны ли въ вѣрѣ духовные вонди старообрядцевъ, ихъ пастыри и архипастыри?

I.

Мы обѣщали особо поговорить о характерѣ нынѣшней раскольниковской литературы, и именно полемической, направленной противъ церкви, отличающейся такимъ озлобленіемъ противъ нея и такой наглою бранью на православіе, какихъ послѣ Аввакума и не слыхано было въ раскольниковскихъ сочиненіяхъ. Но приходится сказать прежде о двухъ, только - что полученныхъ нами, новѣйшихъ и особенно любопытныхъ произведеніяхъ раскольниковской письменности совершенно другого характера. Оба сочиненія находятся въ непосредственной связи одно съ другимъ и весьма важны по своему содержанию именно въ томъ отношеніи, что даютъ вполне ясное понятіе о характерѣ нынѣшнихъ раскольниковскихъ архипастырей и взаимныхъ между ними отношеніяхъ. Одно, озаглавленное: «Защита Бѣлокриницкаго Устава предъ судомъ православія (Дополнительная редакція)» есть сочиненіе извѣстнаго теперь, можно сказать лучшаго раскольниковскаго писателя, лжесвященника Василия Механикова, и представляетъ не что иное, какъ рѣшительное обличеніе въ зломъ еретичествѣ тоже весьма извѣстнаго въ расколѣ лжеепископа Арсенія Швецова за его «Защиту Бѣлокриницкаго Устава». А другое, подъ заглавіемъ: «Исповѣданіе вѣры Арсенія, епископа Уральскаго» есть рѣзкая отвѣдь самаго Швецова на упомянутое сейчасъ сочиненіе Механикова.

Понятно само собою, какою важностью для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ австрійскаго раскола имѣютъ оба эти сочиненія, и особенно первое, въ которомъ раскольниковскій попъ австрійскаго поставленія рѣшительно обличаетъ въ еретичествѣ одного изъ своихъ собствен-

ныхъ епископовъ, притомъ же столь извѣстнаго и авторитетнаго, какъ Арсеній Швецовъ, — и, что еще важнѣе, выступаетъ съ этимъ обличеніемъ противъ него по благословеніи самого нынѣшняго раскольниковскаго архіепископа Іоанна Кортюшина, почему и можно сказать, что въ сочиненіи этомъ устами Механикова обличаетъ лжеепископа Арсенія Швецова въ еретичествѣ самъ лжеархіепископъ Іоаннъ Кортюшинъ.

Но прежде нежели говорить о содержаніи и значеніи того и другого сочиненія необходимо познакомить читателей, хотя въ краткомъ изложеніи, съ давней и довольно длинной исторіей самаго вопроса объ еретичествѣ Арсенія Швецова, такъ какъ съ этой исторіей они имѣютъ тѣсную связь и служатъ какъ бы продолженіемъ ея, но, очевидно, не окончаніемъ, котораго еще слѣдуетъ ожидать.

II.

При самомъ учрежденіи австрійской, или бѣлокриницкой іерархіи, нынѣ существующей у старообрядцевъ, главнымъ дѣятелемъ въ этомъ предпріятіи инокомъ Павломъ составленъ былъ, по требованію австрійскаго правительства, «Уставъ Бѣлокриницкаго старовѣрскаго общежительнаго монастыря», въ которомъ изложено было между прочимъ содержимое старообрядцами ученіе вѣры и точно опредѣлены были условія, или основанія, на которыхъ буквинскимъ старообрядцамъ (дипованамъ) желательно получить самостоятельнаго архіерея для правильнаго устройства у нихъ церковной іерархіи. Здѣсь, въ изложеніи вѣроученія старообрядцевъ, составляющемъ особую статью подъ заглавіемъ: «Истинное Богопознаніе», Павелъ привелъ, какъ содержимое старообрядцами, слѣдующее догматическое ученіе, составляющее несомнѣнную ересь: «Богъ... до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, имѣя единосущное во умѣ Слово, Сына Своего, егоже въ первомъ изреченіи: да будутъ вѣцы, нетлѣнно родилъ, сирѣчь во

исхожденіи соприсносущнымъ Духомъ Своимъ отъ сердца отрыгуль»¹⁾).

Подписанный всѣми должностными лицами Бѣлокриницкаго монастыря, Уставъ былъ представленъ австрійскому императору Фердинанду. Разсмотрѣвъ его вмѣстѣ съ другими представленными отъ Бѣлокриницкаго монастыря документами, въ 1846 году императоръ Фердинандъ издалъ декретъ, коимъ дозволялось открытіе въ Бѣлой-Криницѣ липованской архіерейской кафедрѣ. Уставъ, съ содержащимся въ немъ еретическимъ ученіемъ о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія и исхожденіи Святаго Духа отъ Бога Отца, имѣетъ такимъ образомъ непосредственную связь съ самымъ учрежденіемъ нынѣшней раскольнической іерархіи,—самими учредителями ея, равно какъ и австрійскимъ правительствомъ, положенъ въ основу и условіе ея существованія, такъ что вся нынѣшняя раскольническая іерархія и всѣ приѣмлющіе ее, обязывались вѣровать именно такъ, какъ изложено ученіе вѣры въ Бѣлокриницкомъ Уставѣ, слѣдовательно содержать и еретическое ученіе о подвременномъ рожденіи Сына Божія и исхожденіи Святаго Духа.

Уставъ, хранившійся въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, не многимъ былъ извѣстенъ, а тѣ, кто видѣлъ и читалъ его, будучи ослѣплены авторитетомъ Павла и безпрекословнымъ уваженіемъ къ его уму и начитанности, не находили ничего сомнительнаго въ статьѣ «Истинное Богопознаніе». Содержащіяся здѣсь еретическія мнѣнія такимъ образомъ долго оставались необличенными.

Но съ 1862 года,—съ того примѣчательнаго въ расколѣ времени, когда появилось роковое для него Окружное Посланіе, однимъ изъ старообрядцевъ, близко знакомымъ съ содержаніемъ Бѣлокриницкаго Устава, именно Пафнутіемъ,

¹⁾ См. „Уставъ Бѣлокриницкаго монастыря“ въ приложеніи къ „Исторіи Бѣлокр. іерархіи“ по изд. 1874 г. стр. 20, и въ отдѣльной книжкѣ: „Богословіе Павла Бѣлокриницкаго“, стр. 7.

тогда епископомъ Коломенскимъ, начато было разоблаченіе и еретическихъ мнѣній инока Павла, изложенныхъ въ Уставѣ и съ Уставомъ сдѣлавшихся обязательными для австрійскаго старообрядчества. Отцу Пафнутію въ этомъ дѣлѣ оказали живое сочувствіе авторъ Окружнаго Посланія Иларіонъ Георгіевичъ Ксеносъ, Пафнуцій, епископъ Казанскій, самъ намѣстникъ Бѣлокриницкой митрополіи Онуфрій епископъ Браиловскій и извѣстный тогда старообрядческій начетчикъ Семень Семеновъ. По ихъ настоянію былъ даже составленъ 17 августа 1863 года соборъ для сужденія о содержащихся въ Уставѣ погрѣшительныхъ мнѣніяхъ, и соборъ призналъ, что въ этомъ сочиненіи Павла дѣйствительно есть «погрѣшности весьма важныя по своему значенію, касающіяся до поврежденія православнаго исповѣданія», о чемъ и сообщилъ самому Бѣлокриницкому митрополиту Кириллу, съ приложеніемъ замѣчаній на Уставъ, и потребовалъ отъ него «сдѣлать объявленіе» объ изыятіи сочиненій Павла изъ употребленія и позаботиться объ исправленіи его погрѣшительныхъ мнѣній¹⁾. Этимъ тогда и кончилось дѣло; толки объ еретическихъ ученіяхъ Устава прекратились.

Въ 1874 году былъ изданъ мною первый томъ «Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи», въ которомъ подробно изложенъ весь ходъ дѣла объ учрежденіи сей іерархіи. Здѣсь съ достаточною полнотою говорилось и объ «Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря»,—его составленіи, содержаніи, подачѣ австрійскому правительству и т. д., при чемъ при-

¹⁾ См. предисловіе къ восьми вопросамъ (*Душепол. Чт.* 1865 г. ч. 1, стр. 261—266). Содержаніе соборнаго опредѣленія изложено самимъ участникомъ собора Пафнутіемъ Казанскимъ въ его сочиненіи противъ Швецова, напечатанномъ въ книжкѣ: „Раскольническій лжеучитель Швецовъ предъ судомъ одного изъ своихъ собственныхъ епископовъ.“ (по 2-му изд. стр. 19—22). Любопытно, что самый актъ собора Описимъ Швецовъ, состоявшій секретаремъ при Антоніи Шутовѣ, „похитилъ и безъ вѣсти скрылъ“, о чемъ свидѣтельствуется тотъ же Пафнуцій Казанскій (см. тамъ же, стр. 23).

ведено было и прямо названо еретическимъ изложенное въ этомъ Уставѣ учение о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія и исхожденіи Святаго Духа (стр. 177—178), а въ приложеніи къ книгѣ вполнѣ напечатанъ и самый Уставъ Бѣлокриницкаго монастыря.

Этимъ новымъ оглашеніемъ еретическихъ ученій Устава былъ чрезвычайно недоволенъ и даже крайне огорченъ только-что выступившій тогда въ качествѣ ревнителя и защитника австрійскаго раскола, бывшій безпоповецъ Онисимъ Швецовъ, ибо считалъ недозволительнымъ и малѣйшее сомнѣніе относительно православія столь великаго въ расколѣ учителя, какъ инокъ Павелъ Бѣлокриницкій, находилъ въ моихъ словахъ о еретичествѣ Павла порицаніе и оскорбленіе самой іерархіи, учрежденной Павломъ. Въ 1885 году, именуясь уже священноинокомъ Арсеніемъ, Швецовъ напечаталъ за границей, въ своей типографіи Мануиловскаго монастыря, книгу: «Истинность старообрядствующей іерархіи», и въ первой главѣ ея, возражая именно «составителю Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи» выступилъ на защиту лжеученій Бѣлокриницкаго Устава. Желая возстановить поколебленный авторитетъ основателя Бѣлокриницкой іерархіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ защитить отъ справедливыхъ нареканій и самую эту іерархію, онъ усиленно доказывалъ здѣсь, что въ ученіи Павла о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія и исхожденіи Святаго Духа нѣтъ никакого еретичества, т.-е. самъ началъ проповѣдывать тѣ же и даже большія ереси, какъ и инокъ Павелъ.

Распространеніе книги Швецова и вредное дѣйствіе, какое производила она на старообрядцевъ, насаждая между ними еретическія ученія, побудило покойнаго о. архимандрита Павла написать на нее возраженіе. Составленное имъ «Замѣчаніе на первую главу книги Истинность старообрядствующей іерархіи», гдѣ онъ со всею обстоятельностью, свидѣтельствами священнаго и святоотеческихъ писаній, обличалъ еретичество защищаемаго Швецовымъ Павлова ученія о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія и

исхожденіи Святаго Духа, было напечатано въ *Братскомъ Словѣ*¹⁾ и произвело сильное впечатлѣніе даже среди старообрядцевъ, такъ что одинъ изъ ихъ епископовъ, тотъ же Пафнутіи Казанскій, который еще въ 1863 г. участвовалъ съ Пафнутіемъ Коломенскимъ въ изданіи соборнаго акта противъ лжеученій Бѣлокриницкаго Устава, потребовалъ составить новый соборъ для суда надъ Швецовымъ за возобновленіе этихъ, уже соборнѣ обличенныхъ, лжеученій въ его «Истинности». Пафнутіи и самъ написалъ тогда двѣ очень дѣльные статьи въ обличеніе Швецова за его защиту въ «Истинности» несомнѣнно еретическихъ ученій о лицахъ Святой Троицы²⁾. А между тѣмъ и Швецовъ, раздосадованный сильными замѣчаніями о. архимандрита Павла, поспѣшилъ въ отвѣтъ ему составить новое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Несправедливость замѣчанія на первую главу книги: Истинность старообрядствующей іерархіи», гдѣ усиленно обвинилъ въ еретичествѣ самого о. Павла за изложенные въ его «Замѣчаніи» строго-православные, всею церковію издревле содержимые догматы вѣры, и снова еще смѣлѣе и рѣшительнѣе высказалъ свои еретическія мнѣнія. На соборъ же онъ явился въ Москву не скоро, когда Пафнутіи Казанскій, начинатель дѣла, уѣхалъ уже въ свою епархію. Соборъ состоялся безъ Пафнутія, подъ предсѣдательствомъ безграмотнаго Савватія, тогдашняго московскаго архіепископа раскольниковъ: Швецовъ прочелъ здѣсь свое дерзкое и хитросплетенное сочиненіе противъ о. Павла, и жалкіе члены собора безпрекословно выслушали его, едвали и понявъ что-нибудь изъ того, чтò онъ читалъ. Суда надъ Швецовымъ, такимъ образомъ, не состоялось. А свое сочиненіе «Несправедливость замѣчанія на первую главу

¹⁾ См. *Брат. Сл.* за 1888 г. т. I, стр. 418—437; также въ полномъ Собр. соч. архим. Павла, т. III, стр. 155—176.

²⁾ Онъ напечатаны въ упомянутой книгѣ: „Раскольническій лжеучитель Швецовъ предъ судомъ одного изъ своихъ собственныхъ епископовъ“ (по 2 изд. стр. 18 и 34).

книги Истинность» онъ отправилъ съ нарочитой депутаціей къ о. архимандриту Павлу, для личнаго ему врученія, этимъ какъ бы вызывая его на новую борьбу, или въ знакъ своей побѣды надъ нимъ.

О всемъ этомъ немедленно сообщены были точныя свѣдѣнія въ моей «Лѣтописи» раскола, напечатанной въ первой октябрьской книжкѣ *Братскаго Слова* за 1888 годъ, гдѣ былъ сдѣланъ мною и краткій разборъ составленнаго Швецовымъ новаго сочиненія, такъ торжественно доставленнаго имъ о. архимандриту Павлу. Здѣсь между прочимъ говорилось:

«Еще не было сочиненія, въ которомъ бы онъ (Швецовъ) такъ дерзко выражалъ для каждаго очевиднаго еретическія мнѣнія, хотя въ то же время силится доказать, что якобы ереси проповѣдуетъ не онъ съ Павломъ Бѣлокриницкимъ, а самъ возражатель ихъ, архимандритъ Павелъ. Чтобы показать читателямъ, въ какихъ ересяхъ обвиняетъ онъ архимандрита Павла, достаточно привести слѣдующее мѣсто: «Если замѣчатель находитъ богохульство и ересь въ томъ, что Сынъ Божій вмѣстѣ съ вѣками родился, то и *выходитъ по его разуму, что Сынъ Божій родился прежде всѣхъ вѣкъ*, въ какое-то время (?), Богомъ не сотворенное. Но такое понятіе не только будетъ несогласно православному символу (въ которомъ однакоже именно читается: «иже отъ Отца рожденнаго *прежде всѣхъ вѣкъ*»), но и крайне нечестиво, такъ что нечестіемъ своимъ превзойдетъ и самое арианство». Итакъ, раскольнической богословъ признаетъ нечестіемъ, худшимъ арианства, учить и проповѣдывать, что Сынъ Божій родился прежде всѣхъ вѣкъ, и хотя въ символѣ вѣры сказано именно такъ, считаетъ ученіе это «несогласнымъ православному символу»!.. Стараясь ослабить рѣзкость выраженія, употребленнаго Павломъ Бѣлокриницкимъ, что Отецъ родилъ Сына (въ первомъ изреченіи: да будутъ вѣци), онъ усиливается доказать, что здѣсь разумѣется не тварный вѣкъ, а какой-то до него бывшій «вѣкъ Божія днесь», съ сотвореніемъ котораго Отецъ и родилъ Сына: «Сынъ Божій хотя и прежде всѣхъ *по тварямъ числимыхъ вѣковъ*, но *все-таки и совкупно съ вѣкомъ Божія днесь родился*. И такъ, что же есть предосудительное признавать рожденіе Сына Божія и ис-

хожденіе Святаго Духа *съ настатіемъ вѣковъ*, въ главѣ которыхъ стоитъ вѣкъ Божія днесь, равняющееся (?) присносущнымъ»? Вотъ языкъ дѣйствительнаго еретика, прибѣгающаго къ софизмамъ и словоизвитіямъ! Это даже не грубый раскольнической лжеучитель, это именно еретикъ тонкій и лукавый! «Если, говоритъ онъ, у всякаго чело-вѣка есть вѣкъ, и числится отъ его рожденія, *то тѣмъ болѣе* и у Бога, благоволившаго Себя называть вѣчнымъ, есть свой вѣкъ присносущнаго Его днесь, а также и *начало* сей вѣкъ получилъ отъ самаго рожденія единосущнаго Сына Божія». Такова еретическая логика! Если у чело-вѣка, существа ограниченнаго въ своемъ бытіи временемъ и пространствомъ, то-есть имѣющаго недостатки бытія, есть свой вѣкъ, *то тѣмъ болѣе* долженъ имѣть такіе недостатки Богъ, тѣмъ болѣе у Него есть свой вѣкъ, и вѣкъ этотъ получилъ *начало*, сталъ числиться съ рожденія Сына. Здѣсь уже не только Сынъ признается рожденнымъ отъ Отца вмѣстѣ съ вѣкомъ Божія днесь, но и Самъ Отецъ — *начинающимъ* Свой вѣкъ съ рожденіемъ Сына... Воже праведный! До какого нечестія можетъ дойти самонадѣянный чело-вѣкъ, желающій во что бы то ни стало оправдать даже богохульную ложь, если только сказалъ ее подобный Павлу Бѣлокриницкому столпъ раскола!»¹⁾

Прочитавъ октябрьскую «Лѣтопись» и самъ ознакомившись съ сочиненіемъ Швецова противъ о. Павла, Пафнутія послѣдшій пріѣхавъ въ Москву и потребовалъ новаго соборнаго разсужденія объ еретическихъ ученіяхъ Швецова. Соборъ состоялся 28 октября 1888 года. Здѣсь, по требованію Пафнутія, прежде всего прочитаны были тогдашнимъ секретаремъ Духовнаго Совѣта Перструхинымъ изъ моей «Лѣтописи» тѣ мѣста, въ которыхъ говорилось о новомъ сочиненіи Швецова, написанномъ въ отвѣтъ архимандриту Павлу. Швецовъ выразилъ удивленіе и негодованіе, какъ можетъ соборъ довѣрять Павлу Прусскому и Субботину, затѣмъ попрежнему приступилъ было къ защитѣ своихъ еретическихъ ученій; но въ присутствіи Пафнутія Казанскаго, вполне знакомаго съ вопросомъ,

¹⁾ По отд. изданію „Лѣтописи“ за 1888 г. стр. 131—132.

сдѣлать этого не могъ и вынужденъ былъ сознаться, что «допустилъ нѣкоторые соблазнительные доводы противъ православнаго ученія» и «нѣкоторыя соблазнительныя выраженія противъ православнаго символа вѣры», а самую «брошюру» свою общалъ «уничтожить и яко небывшую вмѣнить»; кромѣ того далъ письменную подписку «ничего не писать о богословіи безъ совѣта и благословенія боголюбивыхъ епископовъ»¹⁾.

Соборъ ограничился этимъ признаніемъ и этою подпискою Швецова, т. е. не довель дѣла до конца, — не произнесъ, какъ бы слѣдовало, формальнаго осужденія его лжеученій и на самого лжеучителя не положилъ никакого наказанія, сообразнаго его винѣ. А самъ Швецовъ и его почитатели, особенно такъ называемые «братчики», не придали совѣмъ и значенія происходившему на соборѣ. Братчики вскорѣ же издали тетрадку подъ названіемъ: «Объясненіе истиннаго смысла данной подписки отцемъ Арсеніемъ собранію боголюбивыхъ епископовъ въ Москвѣ 28 октября 1888 года»: здѣсь они привели вполнѣ текстъ представленныхъ на соборѣ объясненій Швецова и самой его подписки, которыя будто бы ясно показываютъ, что никакихъ еретическихъ мнѣній Швецовъ не проповѣдывалъ и соборъ за нимъ таковыхъ не призналъ. Швецовъ также и не думалъ исполнять данную «боголюбивымъ епископамъ» подписку, — «брошюру» свою не уничтожилъ и «богословскія» сочиненія «писалъ» и распространялъ попрежнему, не показывая никому изъ сихъ «боголюбивыхъ епископовъ».

Все это вызвало о. архимандрита Павла составить и напечатать въ 1889 году еще двѣ статьи въ обличеніе проповѣдуемыхъ Швецовымъ еретическихъ ученій²⁾. Весьма

¹⁾ О соборѣ этомъ см. въ ноябрской „Лѣтописи“ 1888 г. (по отд. изд. стр. 153—166); подписка Швецова съ другими документами напечатана въ „Лѣтописи“ за 1889 г. (по отд. изд. стр. 115).

²⁾ Напечатаны первоначально въ *Братскомъ Словѣ* и вошли потомъ въ составъ IV тома полнаго собр. соч. архим. Павла (стр. 167—196).

замѣчательныя по своей ясности, основательности и убѣдительности, они, разумѣется, нисколько не вразумили Швецова и слѣпыхъ его почитателей; напротивъ, и эти послѣдніе и самъ Швецовъ еще съ большей настойчивостью стали защищать еретическія ученія Устава о подлѣтномъ рожденіи Сына Божія и исхожденіи Святаго Духа, чему несомнѣннымъ доказательствомъ служить новѣйшая, составленная подъ руководствомъ Швецова, его почитателями и учениками книга: «Разборъ отвѣтовъ на 105 вопросовъ», гдѣ предается осужденію и осмѣянію составленное архимандритомъ Павломъ обличеніе швецовскихъ еретичествъ и эти послѣднія восхваляются, какъ несомнѣнная якобы православная истина.

III.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ объ еретичествѣ Швецова, когда умеръ Савватій. Сторонники и почитатели Швецова, который въ это время именовался уже епископомъ Уральскимъ и Оренбургскимъ, задумали возвести его на упразднившуюся по смерти Савватія кафедру московской архіепископскіи старообрядцевъ. Если бы живъ былъ Пафнутій Казанскій, объ этомъ, конечно, не могло бы быть и рѣчи; а такъ какъ Пафнутія уже не было въ живыхъ, то почитатели Швецова не только представили его въ кандидаты на архіепископство, но и были совершенно увѣрены въ успѣхъ своего предпріятія. Однако и безъ Пафнутія нашлись разсудительные люди среди старообрядцевъ, которые смѣло возстали противъ возведенія Швецова на высшую іерархическую степень и, что всего важнѣе, въ основаніе своего протеста указали на всѣмъ извѣстное еретичество Швецова: какъ же извѣстный еретикъ можетъ быть архіепископомъ! Сильно боролся Швецовъ съ своими противниками, — достигъ даже того, что сдѣланъ былъ блюстителемъ праздної архіепископской кафедры у московскихъ старообрядцевъ; но въ концѣ-концовъ долженъ былъ сложить оружіе, — побѣда осталась за его про-

тивниками: известно, что въ званіе московскаго архіепископа старообрядцевъ возведенъ казакъ Іоаннъ Картушинъ, Швецовъ же оставленъ попрежнему епископомъ Уральскимъ и Оренбургскимъ.

По поводу этихъ событій я не преминулъ тогда же въ своей «Лѣтописи» поставить на видъ старообрядцамъ и ихъ духовнымъ властямъ непослѣдовательность и незаконность ихъ дѣйствій,—именно указавъ на то, какъ могли они, справедливо признавъ невозможнымъ возвести въ Московскіе архіепископы открытаго еретика, оставить того же самаго еретика въ санѣ епископа Уральского, какъ будто губить духовно московскихъ старообрядцевъ нельзя, а уральскихъ—можно, и какъ будто архіепископомъ еретикъ не можетъ быть, а епископомъ—можетъ; было указано и на то, что оставивъ признаннаго ими еретика въ санѣ епископа, они не только открываютъ ему широкую свободу распространять свои еретическія ученія, но дѣлаются и сами солидарными съ его еретичествомъ, повинными въ немъ и отвѣтственнымъ за него ¹⁾. А въ прошломъ году, печатавъ вторымъ изданіемъ книжку «Раскольническій лжеучитель Швецовъ предъ судомъ своего епископа», въ предисловіи къ этому изданію, указавъ еще разъ на очевидную непослѣдовательность и незаконность дѣйствованія раскольническихъ духовныхъ властей въ отношеніи къ признанному ими еретикъ-епископу.

Эти мои указанія, какъ видимъ теперь, не пропали даромъ. Іоаннъ Картушинъ, сознающій свое значеніе Московскаго архіепископа старообрядцевъ и очевидно не преклоняющійся предъ авторитетомъ Арсенія Швецова, пожелалъ оправдать себя отъ упрековъ въ согласіи и единомысліи съ этимъ послѣднимъ: онъ поручилъ одному изъ своихъ поповъ, известному старообрядческому писателю Василию Механикову, составить обстоятельное опроверженіе, или обличеніе швецовскихъ еретичествъ, что

¹⁾ По отд. изданію „Лѣтописи“ за 1898 г. стр. 50—55.

Механиковъ и исполнилъ съ особенной готовностью. Такимъ образомъ явилось первое изъ названныхъ выше сочиненій: «Защита Бѣлокриницкаго Устава предъ судомъ православія» ¹⁾, о которомъ предстоитъ намъ рѣчь.

IV.

Въ сочиненіи Механикова прежде всего представляется интереснымъ и важнымъ предисловіе ему объясненіе автора о причинахъ и побужденіяхъ, вызвавшихъ его къ составленію этого сочиненія. Объясненіе это, или своего рода предисловіе, не излишне привести вполнѣ. Оно гласитъ:

«Старообрядцы, пріемлющіе священство (?) гордились (и гордились по праву), что въ теченіе двухвѣковой своей самостоятельной жизни побѣдоносно несли знамя православія, не подвергаясь вліянію никакихъ новшествъ, чуждыхъ древней православной церкви. Это знамя они несутъ и доселѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ единичныхъ случаевъ. Бѣлокриницкій Уставъ было допустилъ нѣкоторыя погрѣшности; но онѣ такъ и остались погрѣшностями, ограничиваясь немногими экземплярами (?) Устава и не имѣя никакого вліянія въ обществѣ старообрядцевъ. Стали было обноситься по старообрядцамъ нѣкоторыя ложныя тетради, составленныя подъ вліяніемъ безпоповскаго лжеученія; но и онѣ блистательно опровергнуты Окружнымъ Пославіемъ и другими подобнаго рода сочиненіями. Такимъ образомъ, истина торжествовала и подъ ея свѣтозарнымъ покровомъ невозмутимо жило старообрядчество даже до сего времени, подвизаясь въ дѣлахъ благочестія.

«Но вотъ въ это мирное время, которое всегда неприятно нашему исконному борителю, случилось нѣчто неожиданное, и случилось не будучи вызываемо никакими насущными нуждами, или общеплезными цѣлями, а ру-

¹⁾ Заслуживаетъ вниманія употребленное въ этомъ заглавіи выраженіе: *предъ судомъ*. Въ немъ нельзя не примѣтить подражанія заглавію нашей упомянутой книжки: «Швецовъ *предъ судомъ* одного изъ своихъ епископовъ».

ководилось лишь защитой и оспариваніемъ своихъ личныхъ воззрѣній, которыя едва ли правились кому другому изъ православныхъ.

«Мы имѣемъ въ виду собственно защиту одного мѣста Бѣлокриницкаго Устава, сомнительнаго православія (выше сказанную) отцомъ Арсеніемъ Швецовымъ (нынѣ епископъ Уральскій) въ первой главѣ его книги «Истинность», изданной имъ въ 1885 году. Вскорѣ послѣ выхода помянутой книги Павелъ Прусскій, архимандритъ московскаго единовѣрческаго монастыря, протестовалъ эту защиту. Отъ Арсенія Швецова сдѣлалъ на него (?) возраженіе, въ которомъ наговорилъ снова много погрѣшительнаго. Московскій Духовный Совѣтъ и Соборъ 1888 г. призвалъ его къ отвѣту и строго воспретилъ ему писать по сему вопросу. На соборѣ о. Арсеній, повидимому, сознался въ своихъ ошибкахъ и обѣщался ничего подобнаго не писать. Между тѣмъ на этомъ не удержался и написалъ еще два сочиненія, поддерживая тѣ же воззрѣнія, которыя высказалъ онъ въ первомъ возраженіи Павлу Прусскому. Послѣ того стало очевиднымъ, что это не простая его ошибка, а убѣжденіе такого рода. На этомъ именно основаніи Субботинъ, редакторъ «Братскаго Слова», и называетъ его прямо еретикомъ. А такъ какъ епископы наши, по изданіи имъ (о. Арсеніемъ) послѣднихъ двухъ сочиненій по сему вопросу, ничего болѣе не возражая, произвели въ санъ епископа и имѣютъ съ нимъ общеніе: то Субботинъ и подводитъ теперь подъ это его еретичество всю нашу Церковь. *Это именно и побудило насъ, по благословенію его высокопреосвященства боголюбивѣйшаго архіепископа Іоанна*, подвергнуть тщательному разсмотрѣнію, какъ сомнительный текстъ Устава, который мы обозрѣли въ болѣе пространной редакціи сего сочиненія, такъ и его защиту. Здѣсь же подвергаемъ мы краткому разсмотрѣнію и сличенію съ ученіемъ древне-православной Церкви только защиту Устава въ тѣхъ предметахъ, которыхъ она касалась».

Таково предисловіе, предпосланное Механиковымъ его сочиненію. Въ первой половинѣ этого предисловія, намѣренно или ненамѣренно, онъ допустилъ довольно количество, обычныхъ впрочемъ въ каждомъ раскольническомъ сочиненіи послѣдняго времени, неправдъ и несообразностей.

Такъ неправду говоритъ онъ, утверждая, что будто бы «старообрядцы пріемлющіе священство (какое священство, г. Механиковъ?—бѣглое, окружническое, противокружническое, бѣловодское?) въ теченіе двухъ вѣковъ (когда и не существовало у нихъ австрійскаго священства) побѣдоносно несли и несутъ доселѣ знамя православія», и что этимъ они даже «гордились, и гордились по праву». Знамя, поднятое первоводцами раскола, Аввакумомъ, Лазаремъ, Никитою и проч., было совсѣмъ не «знамя православія», а знамя возмущенія противъ православной церкви и отдѣленія отъ нея, и сами эти знаменосцы, какъ напр. Аввакумъ, проповѣдывали явныя ереси о св. Троицѣ, въ чемъ Аввакума обличалъ даже «союзникъ» его дьяконъ Ѳеодоръ. Потомъ, увлеченный подражаніемъ современной рѣчи нашихъ интеллигентовъ, г. Механиковъ говоритъ, что мнимымъ несеніемъ знамени православія старообрядцы «гордились и гордятся по праву». Онъ забылъ, что гордиться даже и истинными достоинствами христіанину не подобаетъ, ибо *довольство наше отъ Бога* (2 Кор. 3, 5),—забылъ, что гордость есть смертный грѣхъ; да едва ли и не клеветаетъ онъ на предковъ, жившихъ за пятьдесятъ лѣтъ доселѣ, т. е. когда еще не было и въ поминѣ нынѣшней австрійской іерархіи старообрядцевъ, что своимъ такъ называемымъ древлеправославіемъ они «гордились».

Потомъ, неправду говоритъ Механиковъ о Бѣлокриницкомъ Уставѣ, что въ немъ будто бы допущены только «нѣкоторыя погрѣшности, не имѣющія никаго-значенія». Если такъ, то значить никакого значенія не имѣютъ и погрѣшности швецовскихъ сочиненій, написанныхъ именно въ защиту Устава; а между тѣмъ самъ же Механиковъ находитъ въ нихъ злѣйшія ереси.

Несправедливо далѣе утверждаетъ онъ, что безпоповщинскія тетради, о которыхъ говорится въ Окружномъ Пославіи, только «стали было обноситься по старообрядцамъ». Не одиѣ безпоповщинскія тетради, но и безпоповщинскія убѣжденія были усвоены (да и теперь содержатся)

весьма многими поповцами, даже архіереями и попами австрійскаго поставленія, что именно и вызвало Ксеноса къ составленію Окружнаго Посланія, и опъ только для того, чтобы не оскорбить поповцевъ, указалъ на безпоповскія тетради. Какъ силенъ былъ и какъ силенъ доселѣ безпоповщинскій духъ въ старообрядцахъ, приѣмлющихъ австрійское священство, достаточно показываютъ вызванные Окружнымъ Посланіемъ и доселѣ продолжающіеся смуты и раздоры въ старообрядчествѣ, появленіе и существованіе несомнѣнно зараженныхъ безпоповщинскими ученіями противокружниковъ съ ихъ отдѣльною іерархією, ихъ сила и значеніе въ расколѣ, наконецъ всѣмъ извѣстное нерасположеніе къ Окружному Посланію самихъ именуемыхъ окружниковъ.

Вообще, Механиковъ напрасно превозноситъ будто бы «невозмутимую жизнь старообрядцевъ подъ свѣтозарнымъ покровомъ истины», продолжавшуюся до самаго появленія шведовскихъ писаній. Напротивъ, вся исторія раскола наполнена взаимными въ немъ спорами и раздѣленіями, съ произнесеніемъ проклятій и анаемъ, сначала между поповцами и безпоповцами, потомъ между отдѣльными толками въ безпоповщинѣ и поповщинѣ, наконецъ въ австрійской іерархіи между окружниками и неокружниками.

Невѣрно говоритъ Механиковъ и о Швецовѣ, что будто бы онъ рѣшился проповѣдывать еретичество, «руководясь лишь защитой и оспариваніемъ своихъ личныхъ воззрѣній, которыя едва ли нравились кому другому изъ православныхъ» (т. е. старообрядцевъ). Если теперь Швецовъ упорно защищаетъ уже дѣйствительно свои личные воззрѣнія, то первоначально онъ выступилъ на защиту не своихъ, а павловыхъ «воззрѣній», изложенныхъ въ Уставѣ, и притомъ выступилъ въ интересахъ раскола, или точнѣе австрійской іерархіи, находя опаснымъ для нея ниспроверженіе павлова авторитета, сдѣланное сначала двумя Пафнутіями, потомъ въ нашей «Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи. А что лжеученія Швецова нравились и нравятся

инымъ старообрядцамъ, какъ напр. такъ называемымъ «братчикамъ» и вообще шведовскимъ почитателямъ, — ужели этого не знаетъ г. Механиковъ?

Но имѣть интересъ не эта первая половина предисловія. Интересно и важно собственно сдѣланное во второй его половинѣ заявленіе Механикова о томъ, что побудило его къ составленію сочиненія. Онъ прямо говоритъ, что побужденіемъ къ тому послужило рѣшительно высказанное мною обвиненіе Швецова, а вмѣстѣ и состоящаго съ нимъ въ общеніи австрійскаго старообрядчества съ его іерархіей, въ явномъ еретичествѣ. Еще важнѣе его заявленіе, что сочиненіе свое, вызванное этимъ побужденіемъ, онъ писалъ «по благословенію боголюбивѣйшаго архіепископа Іоанна». Значитъ и Картушинъ тоже созналъ справедливость и важность предъявленнаго мною обвиненія и пожелалъ по крайней мѣрѣ себя и свое духовенство очистить отъ упрека въ общеніи съ еретикомъ-епископомъ.

Изъ собственнаго объясненія Механикова видно, что его сочиненіе имѣетъ двѣ редакціи, — пространную и краткую. Въ пространной «подвергнута тщательному разсмотрѣнію и сомнительный текстъ Бѣлокриницкаго Устава и его защита» (Шведовымъ); а въ краткой (въ заглавіи она названа еще дополнительной) «подвергнута разсмотрѣнію и сличенію съ ученіемъ древлеправославной церкви только (шведовская) защита Устава въ тѣхъ предметахъ, которыхъ она касается». Мы имѣемъ одну эту послѣднюю редакцію, которая собственно и имѣетъ особый интересъ.

V.

Сочиненіе Механикова, дѣйствительно, представляетъ, изложенное въ девяти отдѣльныхъ статьяхъ, «сличеніе древне-православнаго ученія Церкви» о предвѣчномъ рожденіи Сына Божія и исхожденіи Святаго Духа съ ученіемъ Швецова о сихъ догматахъ, совершенно отличнымъ отъ него, откуда и обличается со всею ясностью его еретичество.

Самое изложение православнаго догматическаго ученія о Сыиѣ Божіемъ и о Святомъ Духѣ, сдѣланное Механиковымъ, не представляетъ ничего особеннаго, и въ сравненіи съ упомянутыми выше сочиненіями архим. Павла и даже въ сравненіи съ сочиненіемъ Пафнутія Казанскаго, оказывается довольно слабымъ. За то обличеніе швецовскихъ еретичествъ сдѣлано имъ съ такой рѣшительностью и прямою, какихъ трудно было и ожидать. А въ этомъ и весь интересъ сочиненія. Чтобы показать читателямъ, какъ раскольническій «священно-іерей» громить своего епископа—еретика, достаточно слѣдующихъ примѣровъ.

«Мы видѣли (пишетъ Механиковъ во второй статьѣ, озаглавленной: *Единый Богъ по существу отъ вѣчности троиченъ въ лицахъ*), что въ Троицѣ нѣтъ ни привходящаго, чего бы прежде не было и что вошло бы послѣ, ни большаго, ни меньшаго; Пресвятая Троица есть совѣчное царство въ трехъ совершеннѣйшихъ ипостасяхъ, или въ трехъ совершеннѣйшихъ лицахъ, почему она и вѣснословится безначальною, собезначальною и соприсносущною; бытіе Отца совершенно совпадаетъ съ бытіемъ Сына и Духа. А о. Арсеній говоритъ, что отъ искони Богъ во единомъ лицѣ Отца показуется, что въ предвѣчной безначальности Богъ былъ во единомъ лицѣ Бога Отца, что ипостась Бога Отца больше ипостаси Сына и Духа. Святая Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, учитъ, что Отецъ не былъ никогда безъ Сына, что Сынъ Божій рожденъ отъ Отца не разстоятельнѣ, что Онъ такъ же вѣченъ, какъ Богъ Отецъ. А о. Арсеній говоритъ, что отъ искони Богъ во единомъ лицѣ указуется... что составленіе лицъ Пресвятыя Троицы послѣдовало по времени, и даже присносущіе Божіе, по его понятію, должно разумѣть не безъ времени... Такимъ образомъ ученіе о. Арсенія Швецова не только не согласно, но и совершенно противно ученію православной Церкви, и до буквальности сходно съ возрѣніями древнихъ еретиковъ—монархистовъ: Праксея, Ноета, Верона, Берилла и другихъ».

Въ четвертой статьѣ, озаглавленной: *Всѣ три лица Святыя Троицы равны между собою*, Механиковъ пишетъ:

«Отецъ Арсеній, обвиняя архимандрита Павла за признаніе безусловнаго равенства лицъ Пресвятыя Троицы, держится такого мнѣнія, что ипостась Бога Отца выше и больше ипостаси Сына и Св. Духа. Приведемъ полностью ихъ разногласіе.

«Прямо сказано (въ Уставѣ),—говоритъ Павелъ,—что Богъ до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи... Значитъ, по исповѣданію бѣлокриницкихъ старцевъ въ ихъ Уставѣ, до сотворенія вѣковъ не было Слова, единороднаго Сына Божія, не было и Св. Духа, не было значить Святыя Троицы, былъ одинъ (Богъ) Отецъ». На эти слова о. Арсеній говоритъ: «Здѣсь архимандритъ Павелъ сущность Божества въ предвѣчной безначальности въ лицѣ единаго Бога Отца отрицаетъ (а по его понятію Онъ былъ въ предвѣчной безначальности во единомъ лицѣ, а Сына и Духа произвелъ вмѣстѣ съ вѣками); но если ипостась Бога Отца не могла быть, по разуму архимандрита Павла, выше или больше Сына и Духа (а по его, значить, ипостась Отца выше и больше, чѣмъ ипостась Сына и Духа), то значитъ, что Сынъ и Духъ, какъ не существовавшіе бытія своего отъ существа (?) Бога Отца, суть иного съ нимъ существа или естества». Отсюда ясно, что по возрѣнію о. Арсенія ипостась Отца выше и больше ипостаси Сына и ипостаси Духа Святаго; а такое понятіе равносильно прямому отрицанію равенства лицъ Пресвятыя Троицы. Что ипостась Сына Божія и Святаго Духа меньше ипостаси Отца учили древніе еретики, отвергавшіе ихъ равенство и единосущіе со Отцемъ: таковы были еще въ вѣкъ апостольскій Керинѣи и Евимонъ, во 2-мъ столѣтіи Карпократъ, Θεодотъ, въ 3-мъ Оригенъ, въ 4-мъ Аріи пресвитеръ Александрійскій».

И еще въ пятой статьѣ, озаглавленной: *Богъ Слово, Сынъ Божій, рожденъ изъ существа Бога Отца непостижимо прежде всѣхъ вѣкъ, прежде всякой твари, и есть Богъ совѣчный и собезначальный Отцу и Святому Духу*, Механиковъ говоритъ:

«Православная вселенская Церковь учитъ единогласно, что Сынъ Божій рожденъ изъ сущности Бога Отца предвѣчно; а о. Арсеній говоритъ, вмѣстѣ съ Бѣлокриницкимъ Уставомъ, что «въ предвѣчной безначальности Богъ Отецъ былъ въ одномъ лицѣ».

«Святая Церковь учитъ, что Сынъ Божій собезначаленъ Богу Отцу и Святому Духу, т. е. Онъ такъ же безначаленъ, какъ Богъ Отецъ; а о. Арсеній говоритъ, что Сынъ Божій рожденъ вмѣстѣ съ вѣкомъ, въ напередъ сотворенное Богомъ время.

«Такимъ образомъ діаметральная противоположность въ ученіи о. Арсенія и ученіи православной церкви очевидна.

«Притомъ ученіе о. Арсенія оказывается до буквально-сти сходно съ ученіемъ арианскимъ.

«Арій училъ: «Бѣ бо (въ вѣчности) единъ Богъ и не бѣ Слово съ нимъ; та же, восхотѣвъ насъ содѣлати, тогда сотвори Его и отнелъже (т. е. отъ сего времени) бысть». Такъ учитъ и о. Арсеній: сущность Божества въ предвѣчной безначальности была въ лицѣ единого Бога Отца, а Сынъ Божій рожденъ отъ Бога Отца съ настатіемъ вѣковъ, вмѣстѣ съ вѣками, и даже послѣ вѣкъ.

«Арій училъ, что Сынъ Божій рожденъ во времени. Такъ говоритъ и о. Арсеній, что Сынъ Божій рожденъ отъ Бога Отца послѣ вѣкъ, въ напередъ сотворенное Богомъ время.

«Арій училъ, что Сынъ Божій есть первѣйшая и высшая тварь. Такъ полагаетъ и о. Арсеній, когда говоритъ: «Сынъ Божій проявился (родился) отъ виновнаго своего начала въ приведеніи (т. е. вмѣстѣ съ приведеніемъ) въ бытіе твари».

«Слѣдовательно, въ сходности приведенныхъ ученій о. Арсенія и арианскаго сомнѣнія нѣтъ».

Итакъ, раскольнической іерей Василій Механиковъ, по благословенію своего архіепископа Іоанна Картушина, или, что то же, самъ раскольнической архіепископъ Іоаннъ Картушинъ устами своего іерея Механикова провозглашаетъ раскольническаго же епископа Арсенія Швецова содержащимъ и проповѣдующимъ арианство и разныя иныя ереси, вообще рѣшительнымъ еретикомъ.

Что же затѣмъ? Еретика, обличеннаго въ ереси, нельзя оставлять безъ церковнаго суда и наказанія, если онъ не приноситъ раскаянія въ своемъ еретичествѣ и не отрекается отъ него. Однакоже ни о судѣ, ни объ наказаніи еретика не упоминаютъ его обличители; въ заключеніе они выражаютъ ему только «благожеланіе», чтобы онъ

раскаялся,—говорить, что это «было бы хорошо и пріятно для Бога»:

«Когда было замѣчено, св. Діонисію Александрійскому отцами церкви, что онъ ошибается, высказавшись противъ единосущія Сына со Отцомъ, тогда онъ, когда представилась надобность, съ совершенною ясностію и твердостію исповѣдалъ свою вѣру въ единосущіе Сына со Отцемъ, и тѣмъ доставилъ торжество православію, и даже доселѣ считается великимъ отцемъ церкви, не поддавшись заблужденію и страсти, противной волѣ Божіей. Хорошо бы было и пріятно для Бога поступить такъ же и о. Арсенію, жертвуя всѣмъ для истинъ православія, которыя дороже и вождѣннѣе всего для истиннаго христіанина и руководителя другихъ.

VI.

Тщетное «благожеланіе!» Швецовъ не только не подумалъ подражать св. Діонисію, не только не сознался и не покался въ еретичествѣ, но еще объявилъ съ своей стороны еретиками всѣхъ несогласно съ нимъ мудрствующихъ о рожденіи Сына Божія и исхожденіи Св. Духа, даже предалъ ихъ проклятію. Въ отвѣтъ на сочиненіе Механикова, которое было препровождено къ нему, онъ составилъ свое новое «Исповѣданіе вѣры»¹⁾, въ которомъ повторилъ еще разъ свои еретическія мнѣнія и именно произнесъ анафему на всѣхъ нераздѣляющихъ эти мнѣнія.

Въ сущности это новое швецовское «Исповѣданіе вѣры» есть повтореніе его старыхъ еретическихъ софизмовъ и словоизвитій. Снова утверждаетъ онъ, что будто бы «весь символъ, изложенный 1 и 2 вселенскими соборами, принимается въ томъ видѣ, въ какомъ онъ написанъ (?) и напечатанъ въ древнихъ дониконовскихъ церковныхъ книгахъ, во всемъ до слова буквально, еже есть: Вѣрую во единого Бога Отца,—весь до конца по сущему смыслу его, *кромя*

¹⁾ Одно «Исповѣданіе вѣры» уже было представлено имъ раскольническому собору 1888 года (См. *Лѣтопись* за 1889 годъ, стр. 99).

всякаго искаженія», — т. е. признаетъ и Сына Божія «рожденнымъ прежде всѣхъ вѣкъ»; и тутъ же снова утверждаетъ, что только одного Бога Отца, или, какъ онъ выражается, «одного Бога *въ личной ипостаси Отца*, какъ *по времени*, такъ и по винѣ признаетъ безначальнымъ», а ипостаси Сына и Духа Святаго признаетъ, очевидно, не безначальными какъ по винѣ, такъ даже и *по времени*. Нѣтъ надобности приводить другія подобныя еретическія лжеумствованія, повторенныя Швецовымъ въ его новомъ «Исповѣданіи вѣры», такъ какъ онѣ извѣстны изъ прежнихъ его защитительныхъ сочиненій. Здѣсь, въ этомъ новомъ «Исповѣданіи», всего важнѣе тонъ, въ какомъ рѣшился написать его Швецовъ, — властно и неоднократно произнесенныя имъ здѣсь анафемы на тѣхъ, кто не раздѣляетъ его лжеумствованій, и прежде всего на «священноіерея» Василия Механикова за его сочиненіе, а въ его лицѣ, разумѣется, и на «архіепископа Іоанна Картушина», «по благословенію» котораго это сочиненіе написано, хотя объ «архіепископѣ Іоаннѣ» Швецовъ намѣренно не упоминаетъ ни единымъ словомъ, какъ будто и не знаетъ, что Механиковъ дѣйствовалъ и писалъ «по его благословенію», что чрезъ Механикова обличаетъ его въ еретичествѣ самъ «архіепископъ» Іоаннъ Картушинъ. Вотъ образчикъ произнесенныхъ Швецовымъ анафематствованій:

«Старающихся истолковать мою защиту Бѣлокриницкаго Устава ложно, какъ бы противорѣчущею православному символу (значитъ именно Механикова и Картушина) я *предаю проклятiю и анафемѣ*. Критическій же разборъ о. Механикова содержитъ въ себѣ не мало противнаго православному символу и священному писанію. Пастырская священная обязанность моя и христіанское чувство по-нуждаетъ меня это сочиненіе о. Василия Механикова признать и отвергать, какъ погрѣшительное и *неправославное*».

И именно «неправославнымъ» и даже «крайне нечестивымъ» признаетъ Швецовъ изложенное въ сочиненіи Ме-

ханикова ученіе, «что Святая Троица во всѣхъ трехъ лицахъ не имѣетъ начала своего бытія», что «Сынъ Божій и Духъ Святый такъ же безначальны, какъ Богъ Отецъ», что въ немъ «признается триипостасное Божество отъ вѣчности». Ни малѣйшаго вниманія не обратилъ онъ на то, что всѣ эти истинно православныя догматы подтверждены въ сочиненіи Механикова ясными святоотеческими свидѣтельствами, и за нихъ-то именно «предаетъ проклятiю и анафемѣ» Механикова, а съ нимъ вмѣстѣ и Картушина. О всемъ же сочиненіи Механикова въ заключеніе говоритъ: «Оно не выдерживаетъ никакой критики и заключаетъ въ себѣ сколько погрѣшности и пустословія, столько же лжи и клеветы на меня и мою защиту. Судъ истиннаго православія въ лицѣ 1 и 2 вселен. соб. признаетъ его *еретическимъ* и отвергаетъ его».

VI.

Таково содержаніе двухъ новѣйшихъ раскольническихъ сочиненій.

Въ печальномъ положеніи изображаютъ онѣ состояніе нынѣшней старообрядческой іерархіи и всего старообрядчества, «пріемлющаго» это австрійское, или бѣлокриницкое священство, состоящее подъ руководствомъ Картушинныхъ и Швецовыхъ! Здѣсь самъ именуемый архіепископъ старообрядцевъ — Іоаннъ Картушинъ, чрезъ своего именуемаго «священноіерея» Механикова, обличаетъ своего же именуемаго епископа Арсенія Швецова въ содержаніи и проповѣданіи аріанства и другихъ ересей, а этотъ мнимый епископъ Арсеній Швецовъ съ своей стороны обвиняетъ въ еретичествѣ и предаетъ анафемѣ архіепископа Іоанна, у котораго состоитъ въ іерархическомъ подчиненіи... Понимаютъ ли старообрядцы, чтѣ это значитъ? Это значитъ, что всѣ ихъ именуемые архіереи и священники находятся подъ взаимною клятвою: тѣ изъ нихъ, которые стоятъ на сторонѣ Арсенія Швецова, обличены въ еретичествѣ Іоанномъ Картушинымъ и за свои несомнѣнныя ереси под-

лежать карѣ церковнаго отлученія; а тѣ, которые состоятъ въ общеніи съ Іоанномъ Картушинымъ, обличаются въ еретичествѣ и уже преданы анаемѣ Арсеніемъ Швецовымъ. Это значитъ, что и сами старообрядцы, подъ чьимъ бы пасеніемъ они ни состояли,—подъ пасеніемъ ли Картушина и его поповъ, или подъ пасеніемъ Швецова,—что и они вмѣстѣ съ своими пастырями находятся подъ проклятіемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что справедливость на сторонѣ Картушина и Механикова, такъ какъ они въ данномъ случаѣ защищаютъ вполне православное ученіе о ипостасяхъ Св. Троицы и обличаютъ дѣйствительно еретическое ученіе Швецова. Но раскольнической архіепископъ, рѣшившійся обличить въ ереси столь авторитетное въ расколѣ лице, какъ Арсеній Швецовъ, не довелъ своего дѣла до конца, не вполне исполнилъ свой долгъ. Обличивъ еретика, необходимо было произнести и судъ на него, равно какъ принять мѣры къ пресѣченію распространяемыхъ имъ еретическихъ ученій. Этому имъ не сдѣлано: признанный и обличаемый имъ епископъ - еретикъ не только не преданъ соборному суду и не подвергнутъ отлученію, или изверженію изъ сана, но и самъ, пользуясь полною свободой, произноситъ анаемы на содержащихъ правое, святоотеческое ученіе о ипостасяхъ Святыя Троицы. Впрочемъ, Швецовъ не подчинился бы никакому соборному суду и всегда нашелъ бы себѣ сообщниковъ и послѣдователей, такъ что невозможно и сказать, чѣмъ кончится, даже кончится ли когда-нибудь этотъ возмутительный до безобразія раздоръ въ средѣ нынѣшней раскольнической іерархіи изъ-за коренныхъ догматовъ вѣры, еретически искажаемыхъ наиболѣе вліятельнымъ въ этой іерархіи лицомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ остается не конченною и ждетъ продолженія кратко изложенная выше исторія объ еретикѣ Арсеніи Швецовѣ.

Новое сочиненіе Механикова и данный на него отвѣтъ Швецова, съ которыми мы познакомили читателей, такъ

ясно разоблачающіе безобразное зрѣлище внутреннихъ раздоровъ въ средѣ австрійской іерархіи, къ сожалѣнію, не многимъ извѣстны даже и у самихъ старообрядцевъ. Старообрядцевъ-то особенно и желали бы мы познакомиться съ этими сочиненіями, по крайней мѣрѣ въ нашемъ изложеніи: пусть знаютъ они, у кого находятся подъ духовнымъ водительствомъ,—пусть знаютъ, что среди ихъ пастырей даже именуемыхъ епископовъ, есть несомнѣнные и упорные еретики, что вообще этихъ пастырей ихъ не соединяетъ единомысліе въ вѣрѣ, даже въ ученіи о важнѣйшихъ догматахъ вѣры, напротивъ, господствуетъ среди ихъ разномысліе, сопровождаемое анаемами. А священная книга, усердно читаемая старообрядцами, говоритъ, что *въ дому Божиємъ должно ходить единомышленіемъ* (Пс. 54, 15), и что *Богъ единомысленныя вселяетъ въ домъ* (Пс. 67, 7).

3. Какое понятіе о расколѣ, его характерѣ и отношеніяхъ къ православной церкви, даетъ нынѣшняя раскольническая литература?

I.

Едва ли можно указать время въ исторіи раскола, когда бы являлось у раскольниковъ такое обиліе сочиненій, какъ въ два или три послѣднія десятилѣтія. И обширныхъ, въ нѣсколько сотъ страницъ, и мелкихъ, то писанныхъ поуставному, то отиснутыхъ на гектографѣ, то напечатанныхъ въ заграничныхъ и подпольныхъ типографіяхъ, ихъ выпущено за это время и распространено повсюду такое множество, что никакой, самый тщательный, собиратель не въ состояніи перечислить ихъ.

При общемъ взглядѣ на эту новѣйшую раскольническую литературу прежде всего представляется любопытною одна особенность, отличающая ее отъ раскольнической литературы XVIII вѣка, тоже изобилующей раскольническими сочиненіями. Тогда громадное большинство этихъ сочиненій, и въ томъ числѣ самыя замѣчательныя изъ нихъ, при-

надлежало безпоповцам поморскаго и еодосѣвскаго согласій. Вслѣдъ за братьями Денисовыми, оставившими въ наслѣдіе расколу доселѣ считаемыя у раскольниковъ классическими сочиненія догматическаго, полемическаго и историческаго содержанія (Поморскіе и Дьяконовы, или Керженскіе Отвѣты ¹⁾, Виноградъ Россійскій, Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ) много писали ихъ ученики и послѣдователи, — и всѣ они писали серьезно, разсудительно, осторожно, строго держась раскольниковскихъ началъ, и своимъ особымъ оригинальнымъ языкомъ. Сочиненій, принадлежавшихъ поповцамъ, по крайней мѣрѣ, достойныхъ вниманія (за исключеніемъ трудовъ Ивана Алексѣева и инока Никодима) явилось тогда весьма не много. Теперь, напротивъ, безпоповцы ничего почти не пишутъ, — во всякомъ случаѣ ихъ сочиненія совсѣмъ неизвѣстны (безграмотныя и малопонятныя, хотя крайне самоувѣренныя и дерзкія произведенія Ивана Зыкова не стоятъ и упоминанія); а поповцы, и именно поповцы австрійскаго согласія, являются главными поставщиками тѣхъ сочиненій, которыя составляютъ нынѣшнюю, столь обширную и столь широко распространенную, раскольниковскую литературу. У нихъ существуетъ даже цѣлое общество специально занимающихся литературою «братчиковъ», во главѣ котораго стоитъ Арсеній Швецовъ, именующійся епископъ Уральскій, имѣющее своимъ средоточіемъ «Братство св. Креста», учрежденное именно съ тою главнымъ образомъ цѣлію, чтобы составлять и распространять сочиненія въ защиту австрійскаго раскола. Къ сожалѣнію, въ союзѣ съ этимъ обществомъ состоятъ и ради сквернаго прибытка помогаютъ ему своимъ литературнымъ трудомъ въ раскольниковскомъ духѣ и нѣкоторыя именуемые православными писатели, опозорившіе себя такимъ служеніемъ расколу.

¹⁾ Дьяконовы отвѣты, хотя и даны поповцами, но написаны для нихъ Андреемъ Денисовымъ и въ безпоповскомъ духѣ.

Многочисленныя сочиненія этихъ именно «братчиковъ» и составляютъ ту обширную раскольниковскую литературу нынѣшняго времени, о которой мы говорили выше, и эта именно «братчиковская» литература представляетъ выдающееся, характеристическое явленіе въ современномъ расколѣ, по крайней мѣрѣ, въ той его половинѣ, которая подчинилась австрійскому лжесвященству и приобрѣла теперь господствующее положеніе среди всѣхъ раскольниковскихъ толковъ и согласій, — въ этой именно литературѣ наиболѣе ясно отразился нынѣшній характеръ австрійщины, рѣзко отличающій ее отъ прочихъ согласій въ расколѣ, если только, разумѣется, поставщиковъ этой литературы, именуемыхъ «братчиковъ», считать дѣйствительными представителями австрійскаго раскола и выразителями общаго его характера.

Нужно сдѣлать и еще ограниченіе. Литература, о которой идетъ рѣчь, есть собственно литература такъ называемыхъ «окружниковъ» (Хотя Окружное Посланіе они ненавидятъ отъ всей души за произведенные имъ въ австрійскомъ расколѣ раздѣленія и смуты, хотя были бы рады истребить и самую память объ немъ, но, какъ состоящіе въ раздѣленіи и враждѣ съ противоокружниками, по необходимости носятъ имя окружниковъ), — потому и характеризуетъ она съ религіозной, умственной и нравственной стороны собственно окружниковъ. Противоокружники, составляющіе доселѣ весьма значительную часть австрійскаго раскола, какъ болѣе сходствующіе въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на православную церковь съ безпоповцами, многого въ писаніяхъ окружниковъ не могутъ принять и только сочувствуютъ ихъ небывало-дерзкимъ нападеніямъ на церковь, за которыя однакоже весьма справедливо могутъ упрекать ихъ и упрекаютъ въ противорѣчій самимъ себѣ, или, что то же, приѣмлемому ими Окружному Посланію, требующему совсѣмъ иного отношенія къ церкви и рѣшительно осуждающему не только дерзкія, но и рѣзкія о ней сужденія и отзывы.

Итакъ, преобладающая теперь въ расколѣ весьма обширная и распространенная литература есть собственно окружническая и характеризуетъ именно такъ называемыхъ окружниковъ въ религиозномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, ясно обличая господствующія нынѣ въ ихъ средѣ понятія, стремленія и особенно отношенія къ православной церкви. Объ этой именно литературѣ мы общались и намѣрены теперь сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Однако и среди окружниковъ слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыхъ писателей, хотя и приводящихъ обыкновенно въ защиту австрійскаго раскола тѣ же доводы, какіе постоянно повторяются этими послѣдними, но по характеру своихъ писаній и литературнымъ приемамъ далеко съ ними не сходныхъ. Наиболее близокъ къ нимъ, отличается такою же, какъ они, бойкостью рѣчи и такою же, если не большею еще начитанностью, такимъ же совершенно новымъ въ расколѣ знакомствомъ съ сочиненіями «внѣшнихъ», даже иностранныхъ (въ переводѣ) писателей, извѣстный уже читателямъ Василій Механиковъ, авторъ нѣсколькихъ пространныхъ и въ нѣкоторомъ отношеніи замѣчательныхъ сочиненій¹⁾; но къ обществу «братчиковъ» онъ не принадлежитъ, какъ особенно ясно доказалъ это своимъ обличеніемъ Швецовскихъ еретичествъ, о которомъ мы говорили прошлый разъ, и чуждъ того лукавства, недобросовѣстности и фанатической вражды противъ церкви, которыя составляютъ одну изъ отличительныхъ принадлежностей «братчиковской» литературы. Другой довольно видный окружническій писатель—Климентъ Перетрухинъ, авторъ «Меча духовнаго» и нѣсколькихъ другихъ подобныхъ сочиненій, еще менѣе похожъ на писателей-братчиковъ и ближе стоитъ по характеру сочиненій и литературнымъ приемамъ къ старымъ раскольническимъ писателямъ. За-

¹⁾ Наиболее важное изъ нихъ «Историко-Каноническое обозрѣніе старообрядческаго общества» обстоятельно разобрано Е. А. Антоновымъ въ *Брат. Сл.* за 1895 г.

тѣмъ уже весьма немногіе окружники, которымъ приходится иногда выдать какое-либо свое сочиненіе, хотя пользуются обыкновенно тѣми же доводами въ защиту австрійской іерархіи, какіе находимъ у «братчиковъ», но совсѣмъ уже не походятъ на нихъ и никакой литературностью не отличаются, пишутъ такъ же малограмотно и нескладно, какъ обыкновенно писали въ прежнее время рядовые раскольники. О сочиненіяхъ этого сорта, разумѣется, не стоило бы и говорить; но для одного изъ нихъ мы сдѣлаемъ исключеніе и даже особо имъ займемся, имѣя въ виду то обстоятельство, что авторъ этого сочиненія есть самъ нынѣшній московскій архіепископъ старообрядцевъ Іоаннъ Картушинъ. Причина вполне уважительная. Не интересно ли въ самомъ дѣлѣ познакомиться со степенью образованности, съ сужденіями и взглядами лица, стоящаго теперь во главѣ російской раскольнической іерархіи австрійскаго происхожденія, насколько они выразились въ его собственномъ твореніи?

II.

Казакъ Іустинъ Картушинъ, еще задолго до производства въ санъ раскольническаго архіепископа Москвы, пользовался на Дону среди старообрядцевъ репутаціей начетчика. Эту репутацію признавалъ за нимъ и самъ Антоній Шутовъ, долгое время бывший московскимъ же архіепископомъ у старообрядцевъ: неоднократно предлагалъ онъ Картушину, именно какъ человѣку книжному, принять священство и даже епископскій санъ; но Картушинъ упорно отказывался тогда отъ этихъ предложеній. Репутаціей начетчика Картушинъ пользовался однакоже едва ли заслуженно,—извѣстно, по крайней мѣрѣ, что во время неоднократныхъ поѣздокъ покойнаго о. архимандрита Павла къ донскимъ старообрядцамъ, Картушинъ обыкновенно уклонялся отъ свиданій и собесѣдованій съ нимъ, не смотря на приглашенія, и поступалъ такъ, очевидно, потому, что признавалъ себя недостаточно сильнымъ для состязаній съ

такимъ защитникомъ церкви, какъ о. Павелъ. Видно также, что и для письменныхъ трудовъ на пользу раскола онъ считаетъ себя недостаточно способнымъ и знающимъ, почему и съ обличеніемъ еретическихъ мнѣній Швецова не рѣшился выступить лично, какъ сдѣлалъ это Пафнуцій Казанскій, достаточно владѣвшій перомъ, а обратился къ посредству Механикова. Никакихъ сочиненій Картушина намъ дѣйствительно неизвѣстно, за исключеніемъ того, о которомъ будемъ говорить. Это сочиненіе вызвано особыми обстоятельствами и до насъ дошло, въ подлинникѣ, также особымъ путемъ.

Вотъ краткая его исторія.

Въ 1890 году донской казакъ Усть-Медвѣдицкой станицы Филать Барышниковъ, беспоповецъ, подалъ живущему въ Арчадинской станицѣ австрійскому попу, изъ донскихъ же казаковъ, Спиридону Тафинцеву пять вопросовъ объ австрійской іерархіи. Тафинцевъ затруднился отвѣчать и передалъ вопросы для разсмотрѣнія и отвѣтствованія, какъ извѣстному у донскихъ старообрядцевъ начетчику, Новоостровской станицы казаку Іустину Картушину. Барышниковъ узналъ объ этомъ и ничего не имѣлъ противъ этой передачи. Картушинъ и самъ увѣдомилъ его, что напишетъ и пришлетъ ему отвѣты. Однако цѣлые два года не исполнялъ обѣщанія, и только уже въ 1893 году, послѣ новыхъ напоминаній отъ Барышникова, прислалъ ему отвѣтъ на одинъ четвертый вопросъ, который считалъ самымъ важнымъ, такъ что, по его мнѣнію, съ рѣшеніемъ этого вопроса рѣшались сами собою и прочіе четыре. Барышниковъ, очевидно, призналъ отвѣтъ Картушина неосновательнымъ и, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Картушинъ, подъ именемъ Іоанна возведенъ на кафедру московскаго архіепископа старообрядцевъ, прислалъ намъ этотъ отвѣтъ его въ подлинникѣ, собственноручно писанный Картушинымъ скорописью, не поуставному, — прислалъ конечно съ тою цѣлію, чтобы мы предали его гласности, для ознакомленія всѣхъ съ сужденіями, позна-

ніями и авторскими талантами нынѣшняго архіепископа російскихъ старообрядцевъ. Рѣшившись теперь говорить объ отвѣтѣ Картушина, мы, значитъ, исполняемъ и желаніе того лица, которому онъ присланъ авторомъ и которое имѣетъ право распорядиться имъ по своему усмотрѣнію, особенно имѣя въ виду, что сочиненіе касается религиозныхъ вопросовъ, а не частной жизни автора.

III.

Чтобы судить объ отвѣтѣ, надобно познакомиться и съ вопросами, его вызвавшими.

Вопросы беспоповца Барышникова писаны неумѣлой рукой, не отличаются ясностью и точностью, — нѣкоторые даже и никакого вопроса въ себѣ не заключаютъ; но смыслъ ихъ понятенъ. Въ *первомъ вопросѣ* требуется сказать, гдѣ находится та церковь, которую создалъ Христосъ Спаситель и которой далъ сбѣтованіе, что врата адава не одолѣютъ ее, — «у папы ли, властителя католической церкви, или у властей грекорусской церкви, какъ имѣющей непрерывно въ трехъ чинахъ іерархію, или въ той ея части, которая именуется единовѣрческой, или же наконецъ въ старообрядческой, называемой Бѣлокриницкой, прожившей 180 лѣтъ съ бѣглопріемными попами, а затѣмъ принявшей митрополита Амвросія отъ греческой церкви чрезъ мѣропомазаніе, однимъ іеромонахомъ Іеронимомъ¹⁾». Это есть, конечно, вопросъ; а далѣе, во *второмъ вопросѣ*, самъ же авторъ даетъ рѣшеніе большей половины этого перваго вопроса, — именно самъ объясняетъ, что ни римская, ни грекороссійская церкви не суть церковь, Христомъ основанная. Итакъ, никакого собственно вопроса здѣсь нѣтъ, а сдѣлано только изъятіе изъ перваго вопроса двухъ его частей, не подлежащихъ болѣе и рѣшенію, такъ

¹⁾ Въ этомъ подлинномъ текстѣ вопроса мы исправили только неправильное согласованіе надежей.

что первый вопрос уже касается только церкви старообрядцевъ, принявшихъ іерархію отъ Амвросія, есть ли она церковь, Христомъ основанная. Объ этой именно церкви старообрядцевъ, принявшихъ австрійское священство, какъ бы въ дополненіе и разъясненіе перваго о ней вопроса, предлагаются далѣе еще два (третій и четвертый), которые собственно и имѣютъ значеніе.

Третій вопросъ: «Было ли когда, чтобы православная церковь (т.-е. вся православная церковь) ¹⁾ лишилась (всѣхъ) епископовъ, и чрезъ такое долгое время (черезъ 180 лѣтъ, какъ было у старообрядцевъ) заняла себѣ хиротонію у еретиковъ (и чрезъ нее возстановила у себя столь надолго утраченную законную іерархію)? И такимъ незаконнымъ приемомъ (епископа еретика чрезъ іеромонаха, какъ было у старообрядцевъ), т.-е. меньшимъ чиномъ бѣльшаго, не сводится ли епископъ въ чинъ мірянина, по соборному посланію Мартирія (Корм. гл. 37, л. 213)? И если Амвросій (какъ принятый такъ незаконно) лишень благодати, то какъ же могъ онъ преподавать другимъ, чего самъ не имѣлъ (т.-е. благодать)?» Здѣсь, какъ видятъ читатели, даже нѣсколько вопросовъ, и всѣ они изъ числа тѣхъ, которые ставятъ послѣдователей австрійскаго священства въ крайнее затрудненіе, которыхъ они доселѣ не рѣшили и не могутъ рѣшить удовлетворительно.

Четвертый вопросъ. «Старообрядцы окружники и неокружники имѣютъ у себя одну митрополию, основанную Амвросіемъ, принятымъ въ 1846 году; но въ пониманіи о грекорусской церкви до того разнятся (между собою), что и проклинаютъ другъ друга. А по толкователю апостольскихъ словъ, нѣсть церковь, егда разлучается и не согласуется, церкви бо имя не раздѣленіе, но согласіе. И паки: имя церкви соединенія и согласія имя есть» (Толк. Ап.

¹⁾ Въ скобкахъ мы печатаемъ сдѣланныя нами дополненія къ подлинному тексту вопросовъ для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла, не вполне точно выраженнаго.

л. 595, 468). Здѣсь не договорень прямо слѣдующій отсюда вопросъ: посему, основанная Амвросіемъ церковь, состоящая изъ окружниковъ и неокружниковъ, взаимно другъ друга проклинающихъ, можетъ ли именоваться церковію? И этотъ вопросъ, въ связи съ изложенными въ третьемъ, ставитъ послѣдователей австрійскаго священства въ немалое затрудненіе.

Наконецъ послѣдній *пятый вопросъ*, подобно второму, никакого особаго вопроса не представляетъ, а есть какъ бы заключеніе сказаннаго въ первомъ: «Покажите Бога ради, въ какой изъ вышепомянутыхъ церквей пребываетъ истинная іерархія въ цѣлостномъ ея составѣ и безъ погрѣшенія истины, и если будетъ доказано изъ Священнаго Писанія, гдѣ непрерывно во всей полнотѣ пребываетъ святая соборная церковь, тогда я послѣдую безпрекословно». Такъ какъ о двухъ изъ «вышепомянутыхъ» (т.-е. въ первомъ вопросѣ) церквей самъ же вопроситель далъ уже отрицательный отвѣтъ, то въ заключеніи ему слѣдовало бы говорить только о третьей, австрійско-старообрядческой, — просить, чтобы ему показали имѣеть ли именно эта церковь «іерархію въ цѣлостномъ ея составѣ безъ поврежденія истины» и «непрерывно ли пребывала она во всей полнотѣ», какъ свойственно соборной церкви.

Таково содержаніе пяти предложенныхъ Барышниковымъ вопросовъ. Картушинъ, какъ мы уже сказали, нашелъ достаточнымъ отвѣтить только на третій, признавая его, и справедливо, наиболѣе важнымъ. Посмотримъ, что и какъ отвѣтилъ онъ.

IV.

Отвѣту своему Картушинъ предпослалъ краткое объясненіе, почему долго не отвѣчалъ Барышникову на его вопросы. Мы приведемъ это его объясненіе въ буквальной точности, сохраняя неприкосновенною и самую орфографію подлинника, чтобы читатели могли судить о грамотности нынѣшняго архіепископа старообрядцевъ.

«Многоуважаемый Ф. А. ¹⁾». Давно присланная мнѣ, Ваши пять Вопросовъ до сего время неимели ответовъ, понижеслѣдующему, Впервыхъ я не имель свободы, А потомъ я писалъ Вамъ хотя не въформѣ ответовъ, но все же излагалъ подобное, Правда тогдаже, обещался написать Вамъ ответы, послѣ же етаго вскорѣ при свиданіи съ Климентомъ Анфиногеновичемъ перетрухинымъ въ москвѣ Дело выяснилось что онъ отвася получилъ подобнаи же вопросы, на котораи уже написалъ отвѣты, я имея въ виду что проездомъ измосквы увижу вашего брата, и объясню ему что ответы написаны и при свиданіи онъ можить просмотрить оныя, и действительно такъ я издедалъ, послѣ этого боліе какъ черезъ годъ, случай позволилъ часто видится съ вашимъ братомъ, между Прочимъ онъ напомянулъ мнѣ, что вы и внастоящіе время желаете видить на ваши вопросы мои ответы, поэтому я хотя и позно, но всеже лучши чемъ никогда отвечаю Вамъ».

Засимъ проводится буквально третій вопросъ Барышниковъ и слѣдуетъ отвѣтъ на него. Для удобства читателей мы уже позволимъ себѣ не хранить ореографію раскольническаго архіепископа; но самый отвѣтъ его приведемъ въ неповрежденной точности. Онъ писалъ:

«Православная церковь отъ Христа до нашего времени, въ теченіе 1859 лѣтъ, представляетъ намъ очень многосложный и неоднобразный, но довольно поучительный образецъ (?). Между тѣмъ мы можемъ отыскать и подобный намъ образецъ, что хотя не всеобща, а частныя, но довольно значительныя области лишались безпорочно православныхъ епископовъ, но потомъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ, совершенно безъ помощи гдѣ-то далеко отстоящихъ православныхъ епископовъ, возстановлялась въ полномъ смыслѣ вся православная іерархія. Такое событіе прямо ручается за правоту дѣйствій (чьихъ?) по отношенію Амвросія».

Въ этомъ, такъ сказать, общемъ и главномъ положеніи Картушинъ выразилъ всю сущность своего отвѣта на третій вопросъ Барышниковъ. Но изъ этого положенія и видно

¹⁾ Т.-е. Филать Абрамовичъ.

уже, что онъ отвѣтилъ на вопросъ весьма неудачно,— даже не на вопросъ и отвѣтилъ. Онъ пишетъ, что въ церкви Христовой бывали такія времена, когда, «хотя *не всеобщая* (церковь), а частныя, но довольно значительныя области лишались православныхъ епископовъ». Но вопросъ былъ не о «частныхъ областяхъ», а именно о *всеобщей*, о всей православной церкви, состоящей изъ «частныхъ областей», или обществъ,—спрашивалось: было ли время, когда бы въ ней именно, во *всеобщей* церкви, не осталось нигдѣ ни одного епископа и она существовала бы безъ епископовъ такое долгое время, какое существовала безъ епископовъ именуемая церковь старообрядцевъ? И спрашивалось такъ весьма основательно, ибо старообрядцы считаютъ себя не частью всеобщей, или всей церкви Христовой, но именно всею, или цѣлою, единственно у нихъ сохранившеюся, церковію Христовою, такъ что весь остальной міръ, всѣ прочія христіанскія общества, въ томъ числѣ и грекороссійскаго исповѣданія, считаютъ еретическими, къ церкви Христовой не принадлежащими, а между тѣмъ эта ихъ, единственная въ міръ, якобы истинная церковь почти 200 лѣтъ оставалась безъ епископа. Вотъ почему вопросъ былъ именно о «всеобщей» церкви, и Картушинъ, сознавшись, что «всеобщая» церковь безъ епископа никогда не оставалась, очевидно, вопреки собственному намѣренію, далъ на вопросъ отрицательный отвѣтъ, которымъ самъ и призналъ старообрядческое общество, такъ долго не имѣвшее епископа, не истинною церковію Христовою, въ которой никогда не было и быть не можетъ того, чтѣ случилось съ старообрядческимъ обществомъ, то есть полнаго лишенія епископовъ. О «частныхъ же областяхъ», или обществахъ, о которыхъ и не спрашивалось, онъ говоритъ совсѣмъ напрасно,—это уже отвѣтъ не на вопросъ.

Точно такъ же неудачно отвѣтилъ Картушинъ и на вторую половину вопроса: могла ли церковь, надолго лишившись епископовъ, заимствоваться хиротоніею у ере-

тиковъ,—чрезъ еретиковъ возстановить у себя прекратившуюся іерархію? Онъ отвѣтилъ, что въ частныхъ областяхъ, надолго лишившихся епископства, «совершенно безъ помощи гдѣ-то далеко отстоящихъ православныхъ епископовъ возстановлялась въ полномъ смыслѣ вся іерархія». Что значитъ эта фраза: «совершенно безъ помощи православныхъ епископовъ?»—то ли, что принимались именно еретическіе епископы и чрезъ нихъ возстановлялась «въ полномъ смыслѣ вся православная іерархія»? Почему прямо не говорится объ еретикахъ, когда объ нихъ именно и спрашивалось? Видно, Картушинъ затруднился сказать это прямо, самъ сознавая, что сказать, будто въ церкви возстановлялась іерархія чрезъ еретиковъ, значило бы сказать то, чего въ церкви никогда не бывало. И вотъ, онъ отвѣчаетъ неопредѣленно и уклончиво, то-есть слабо и неудачно.

Ясно отсюда, какъ несправедливы и заключительныя слова Картушина, что будто бы представленное имъ какое-то «событіе прямо ручается за правоту (какихъ-то и чьихъ-то) дѣйствій по отношенію къ Амвросію». Общество старообрядцевъ, почитающее себя единою во всемъ свѣтѣ истинною церковію, около 200 лѣтъ оставалось безъ епископа, безъ совершенія таинства хиротоніи, безъ поставленія священныхъ чиновъ, а потомъ чрезъ принятіе отъ ереси Амвросія будто бы возстановило у себя епископство и полную іерархію; такого «дѣйствія» и такого «образца» въ церкви Христовой никогда не было: слѣдовательно въ исторіи церкви общество старообрядцевъ не можетъ найти «оправданія» ни своему существованію безъ епископа, ни возстановленію епископства чрезъ принятаго отъ ереси Амвросія, со всѣми относящимися къ его принятію «дѣйствіями»,—не можетъ и называть себя истинною церковію Христовою.

Далѣе Картушинъ старается подтвердить свое общее, какъ мы сказали, совсѣмъ не рѣшающее вопроса положеніе, или свой отвѣтъ, историческими свидѣтельствами, ко-

торыя давно повторяются въ сочиненіяхъ защитниковъ австрійской іерархіи и многократно уже опровергнуты какъ не имѣющіе отношенія къ защитѣ этой іерархіи. Онъ пишетъ:

«А что дѣйствительно было оскуднѣніе православныхъ епископовъ въ большихъ областяхъ, читайте о этомъ въ Бароніи лѣто Господне 517. Въ то время съ востока папѣ римскому писали о бѣдственномъ состояніи православній 25 архимандритовъ и 170 презвитеровъ и діаконовъ. Еще во Историческомъ Θεатронѣ пишется: при Иракліи царѣ единовольники бѣша папа Римскій Онорій, константинопольскій патріархъ Сергій, Анастасій Антіохійскій, Киръ Александрійскій, Анастасій Іерусалимскій (Θеатр. исходъ 7, листъ 236 обор.). Въ житіи Максима Исповѣдника единовольники вопрошаютъ Максима: кое еси церкви,—Византійскія ли, или Римскія, Антіохійскія ли, или Александрійскія, или Іерусалимскія? Се все тѣя церкви съ надлежащими имъ странами съ нами согласуютъ. Да и святой Максимъ не возражалъ, что нѣтъ такого отступленія, но точію сказалъ: аще и вся вселенная начнетъ съ патріархомъ причащаться, азъ не имамъ причащаться съ нимъ, вѣмъ бо Духа Святаго чрезъ Апостола Павла и ангеловъ анаемъ предающаго (Четминаея генваря 21). Вотъ доказано, что многія мѣстности оставались безъ православныхъ епископовъ».

Но если бы и «доказано» было, что «многія мѣстности оставались (и на долгое время) безъ епископа», все еще остается недоказаннымъ, чтобы въ какое-либо время *вся* церковь оставалась и существовала, не имѣя ни одного православнаго епископа, какъ было у старообрядцевъ, выдающихъ себя за единую во всемъ мірѣ православную церковь, что именно и требовалось доказать, но чего Картушинъ не доказалъ и никто изъ старообрядцевъ доказать не можетъ. Картушинъ, по привычкѣ, безъ разсужденія, привелъ только нѣчто изъ собранныхъ защитниками австрійскаго и вообще бѣгствующаго священства примѣровъ частнаго, по мѣстамъ, оскуднѣнія (но не полного лишенія) православныхъ епископовъ. Опровергать его, то-

есть доказывать, что и во времена господства ереси монофизитовъ (единовольниковъ), на которыя особенно любятъ ссылаться бѣглопоповцы и послѣдователи австрійскаго священства, существовали православные, не уклонившіеся въ ересь, епископы, — доказывать это мы не будемъ, такъ какъ это давно и многократно уже сдѣлано православными апологетами (на что, однако, ни Картушинъ, ни прочіе старообрядческіе писатели не хотятъ и вниманіе обращать). Намъ нужно было только показать, насколько разсудителенъ и безпристрастенъ нынѣшній архіепископъ старообрядцевъ въ рѣшеніи вопроса объ австрійскомъ священствѣ.

По поводу сдѣланнаго въ вопросѣ указанія на то, что митрополита Амвросія принялъ въ старообрядчество почь Іеронимъ, «меньшій большаго», Картушинъ, въ защиту такого принятія, опять сослался далѣе на примѣръ, неприложность котораго въ данномъ случаѣ также давно и обстоятельно разъяснена. Онъ пишетъ:

«Если вы скажете, что ихъ (епископовъ единовольниковъ?) присоединяли православные епископы, то прочтите житіе Савы Освященнаго, и вы увидите, что онъ съ Θεодосіемъ присоединилъ отъ Севировой ереси Іоанна патриарха Іерусалимскаго, а они священнопоки. Если вы скажете, что онъ (?) не былъ еретикомъ, то читайте о немъ въ дѣяніи седьмого вселенскаго собора, тамъ увидите, что онъ былъ еретикъ, и въ прологѣ декабря 7-го, какъ онъ тѣснилъ Іоанна Постника, житіе Савы декабря 5-го. Вотъ поэтому и Амвросій не незаконно принялъ».

Такимъ образомъ и Картушинъ, вслѣдъ за другими раскольническими писателями, сопоставляетъ бѣлаго пола Іеронима со святыми Саввою и Θεодосіемъ! Но дѣлая такое кощунственное сопоставленіе, какъ онъ не принялъ во вниманіе, что святые Савва и Θεодосій никакого чинопрятія надъ патриархомъ Іоанномъ не совершали (какъ совершилъ его Іеронимъ надъ Амвросіемъ), а были только виновниками и свидѣтелями его возвращенія въ

православіе, какъ это разъяснено уже со всею обстоятельностью? ¹⁾

Продолжая свой отвѣтъ, Картушинъ говоритъ еще далѣе о томъ, на что въ вопросѣ и не указано, — именно о принятіи Амвросія вторымъ чиномъ, подъ мѣропомазаніе:

«Но если скажете, что его (патр. Іоанна) мѣромъ не мазали, то прочтите 8 е правило перваго вселенскаго собора съ тремя толкованіями, и вы тамъ увидите, что и послѣ мѣропомазанія остается хиротонія безъ повторенія. А священникъ каждый имѣетъ право мѣромъ помазывать. Да въ сущности подобныя притязанія — жалкая глупость. Нужно только доказать, что хиротонія не повторяется, значить она преемственная отъ Христа, а не еретическая. Еретическое то, что усвоено отъ заблужденія. Поэтому онъ іерархъ, а священникъ служитъ свидѣтелемъ его покаянія (покаянія?). Такимъ образомъ, ваше выраженіе, заняли будто мы хиротонію у еретиковъ, очень обще».

Нужна слишкомъ большая смѣлость, чтобы назвать «жалкой глупостью» вполне справедливое и основательное мнѣніе, что епископъ, принятый отъ ереси по второму чину, подъ мѣропомазаніе, не можетъ быть признаваемъ въ епископскомъ санѣ безъ вторичнаго рукоположенія православными епископами. Если Картушинъ позволилъ себѣ такъ выражаться еще будучи донскимъ казакомъ, то теперь, въ почетномъ у раскольниковъ званіи ихъ московскаго архіепископа, надобно полагать, способенъ выражаться о столь важныхъ предметахъ и еще съ большей рѣзкостью. А между тѣмъ разумно ли и справедливо ли самъ онъ разсуждаетъ, стараясь опровергнуть то, что такъ дерзко называлъ «жалкою глупостью»? Его разсужденія даже таковы, что за нихъ Арсеній Швецовъ въ свою очередь можетъ обвинить пожалуй своего архіепископа также

¹⁾ Это и другія «святоточія», приводимыя поповцами въ защиту принятія бѣгствующихъ іереевъ, по примѣру которыхъ принять и Амвросій, прекрасно разъяснены, какъ несправедливо приводимыя старообрядцами, у покойнаго о. архимандрита Павла въ известной его книжкѣ: «Бесѣда о свидѣтельствахъ и святоточіяхъ, приводимыхъ поповцами»...

въ еретичествѣ, въ содержаніи и проповѣданіи, наприм., латинскаго ученія о неизгладимости рукоположенія въ священныя саны. Кромѣ неизбежной у поповца ссылки на 8-е правило перваго вселенскаго собора,—ссылки, упорно повторяемой защитниками австрійскаго священства, хотя уже давно доказано, что 8-е правило, по своему подлинному тексту, нимало имъ не благопріятствуетъ,—кромѣ этого, что еще говоритъ Картушинъ? Онъ говоритъ: «нужно только доказать, что хиротонія не повторяется». Да, именно, это «нужно доказать»; но Картушинъ этого не сдѣлалъ,—онъ, напротивъ, считаетъ уже доказаннымъ, что хиротонія, кѣмъ бы ни была совершена, хотя бы даже еретиками всѣхъ чиновъ, подлежащими не только муропомазанію, но и новому крещенію, неизгладима, не повторяется, и отсюда заключаетъ, что всякая хиротонія, даже еретиками совершаемая, есть «преемственная отъ Христа, а не еретическая». Самъ Павелъ Бѣлокривицкій доказывалъ только, что еретики имѣютъ одну лишь форму хиротоніи, что еретическіе епископы подобны горшечнику, умѣющему сдѣлать глиняный сосудъ, но неспособному обжечь его, сдѣлать годнымъ къ употребленію, то есть хиротонія ихъ имѣетъ только форму хиротоніи, а силы ея, самой благодати, не имѣетъ,—благодать преподается хиротонисанному еретиками въ принятіи его отъ ереси въ православіе. И это говорилъ Павелъ только объ еретикахъ третьяго и втораго чина, а еретиковъ перваго чина не признавалъ правоспособными и на внѣшнее, формальное совершеніе хиротоніи: аще крещенія нѣсть,—говорилъ онъ,—то есть если крещеніе ихъ не прие́млетъ, то нѣсть и хиротонія,—не прие́млетъ и хиротонія. А нынѣшній раскольническій богословъ, именуемый архіепископъ Іоаннъ Картушинъ, гораздо смѣлѣе своего первоучителя Павла: онъ признаетъ хиротонію всѣхъ безъ исключенія еретиковъ «преемственной отъ Христа» и потому неповторяемою». За такое ученіе, замѣтимъ еще разъ, обличенный имъ въ ереси Арсеній Швецовъ можетъ

въ свою очередь обвинить и его въ еретичествѣ. Павелъ доказывалъ, что хиротонія Амвросія, бывшая только «видо-творною», формальною, сдѣлалась дѣйствительною, благодатною, когда онъ принять былъ отъ ереси попомъ Іеронимомъ чрезъ муропомазаніе. Нынѣшній раскольническій богословъ Іоаннъ Картушинъ и въ этомъ несогласенъ съ нимъ. Полученную въ ереси хиротонію Амвросія, какъ и хиротонію всѣхъ еретиковъ, онъ признаетъ «преемственною отъ Христа», дѣйствительною, не нуждающеюся въ восполненіи отъ кого-то благодатию,—признаетъ, что Амвросій и до принятія въ старообрядчество былъ дѣйствительный «іерархъ», и попомъ Іеронимъ не преподавалъ ему благодати на хиротонію, а «служилъ только свидѣтелемъ его покаянія». Но если Іеронимъ былъ только свидѣтелемъ Амвросіева покаянія, то зачѣмъ же онъ помазывалъ Амвросія муромъ? Развѣ таинство муропомазанія соединяется необходимо съ таинствомъ покаянія? Впрочемъ, такъ рѣшительно утверждалъ, что Амвросій и ранѣе вступленія въ старообрядчество, состоя, по мнѣнію старообрядцевъ, въ ереси, былъ истинный «іерархъ», имѣющій «преемственную отъ Христа хиротонію, Картушинъ далѣе отвѣчаетъ весьма уклончиво на вопросъ: гдѣ Амвросій получилъ благодать архіерейства? Вотъ что именно говорить онъ въ заключеніе своего отвѣта:

«Итакъ, поэтому выяснилось, епископское оскудѣніе и прежде было, и такъ же умножалось (?), какъ и у насъ, хотя оно запималось (?) у раздорниковъ и подцерковныхъ, но оно и еще отъ церкви, а по сказанію Тарасія патріарха отъ Бога (Дѣяніе собора томъ 7), и принималось какъ св. Савою, значить не беззаконно, а законно, поэтому имѣлъ благодать и другимъ преподавалъ. А если скажете: гдѣ оную получилъ? — то *спросите Мелетія, Анатолія, Павла и Тарасія, гдѣ они получили,—тамъ и Амвросій*. Поэтому вамъ отвѣтъ дашь во опроверженіе вашего вопроса и во оправданіе нашей православной церкви, основанъ на св. писаніи (?), значить доказано, что убѣжденіе, основанное на такомъ вопросѣ, есть жалкое заблужденіе».

Изъ сказаннаго выше читатели могутъ видѣть, имѣлъ ли право Картушинъ дѣлать такое заключеніе, и дѣлать такъ самоувѣренно. Мы, впрочемъ, привели эти заключительныя слова его только для того, чтобы показать, какъ уже уклончиво говорить здѣсь Картушинъ о томъ, гдѣ Амвросій получилъ благодать архіерейства. вмѣсто того, чтобы сказать прямо, какъ говорилъ выше, что Амвросій получилъ благодать въ греческой церкви, находясь, по мнѣнію старообрядцевъ, въ ереси, такъ какъ призналъ уже хиротонію всѣхъ еретиковъ «неповторяемою», «преемственной отъ Христа», т. е. благодатною,—вмѣсто этого онъ предлагаетъ здѣсь вопрошающему сдѣлать нѣчто невозможное,—«спросить святыхъ Мелетія, Анатолія и проч., гдѣ они получили» благодать,—и, давши такой неудобноисполнимый совѣтъ, самодовольно прибавляетъ: «гдѣ они получили, тамъ и Амвросій». Но вѣдь это значить не отвѣчать на вопросъ, а уклоняться отъ отвѣта.

«А остальные четыре вопроса,—продолжаетъ Картушинъ,—этими отвѣтомъ разрѣшились въ главныхъ выраженіяхъ. Нужно только доказать наше православіе, а тогда эти папы римскіе и неокружники и тому подобныя сами собой кануть въ многочисленный сонмъ христіанскихъ разномыслителей. Поэтому я избралъ третій вопросъ, какъ узелъ всѣхъ пяти, при развязкѣ коего оныя сами разсыпятся».

Однако, далѣе Картушинъ не преминулъ кое-что сказать и объ «онихъ». Мы не станемъ уже приводить эти туманныя разсужденія его о латинской церкви, объ антихриствѣ и проч., ибо достаточно познакомили читателей съ рукописаніемъ нынѣшняго московскаго владыки старообрядцевъ. Укажемъ только, что говорить онъ объ упомянутомъ въ четвертомъ вопросѣ раздѣленіи австрійскаго священства на окружническое и неокружническое.

«Что же о соединеніи церковномъ, то это неотъемлемое наше право: какъ сказано, неокружники отъ насъ канули, то мы послѣ этого такъ объединены безъ всякихъ столкновеній, и свободно царицынскій священникъ переводится

въ Пе(те)рбургъ, а московскій въ Ростовъ на Дону, пермскій въ Москву и наоборотъ, екатеринбургскій въ Саратовъ и т. д.»

Итакъ, сдѣланное въ четвертомъ вопросѣ указаніе, что старообрядцы, имѣющіе одну, отъ Амвросія возникшую, іерархію и раздѣлившіеся на окружниковъ и неокружниковъ, съ взаимными другъ на друга проклятіями, не могутъ называться церковію Божіею, которая такихъ раздѣленій имѣть не должна, ибо церкви имя не раздѣленія, а согласія ими есть,—это указаніе Картушинъ старается устранить тѣмъ, что неокружники уже «канули», отпали, отдѣлились отъ окружниковъ, и что только уже эти послѣдніе суть истинная церковь съ амвросіевской іерархіей, а въ ней никакихъ раздѣленій нѣтъ, такъ что ея попы безпрепятственно переводятся съ одного мѣста на другое. Но вѣдь съ меньшей, даже еще съ большей справедливостью и неокружники могутъ сказать (и говорятъ дѣйствительно), что, напротивъ, окружники отдѣлились отъ нихъ и что они, а не окружники, суть истинная церковь съ амвросіевой іерархіей. И въ самомъ дѣлѣ,—для рѣшенія вопроса, кто отъ кого отдѣлился, нужно показать и доказать, кто древнѣе, кто остался неизмѣнно вѣренъ тому ученію, какое содержалось поповцами при самомъ учрежденіи австрійской іерархіи. А несомнѣнно, что этому ученію остаются вѣрны именно неокружники, тогда какъ Окружное Посланіе, своими ученіями о имени *Иисусъ*, о четвероконечномъ крестѣ и пр., вообще требованіями болѣе снисходительныхъ отношеній въ грекороссійской церкви, вносило въ расколъ неслыханную новость, и окружники поэтому составляютъ въ немъ новое явленіе: значить, неокружники отдѣлились отъ окружниковъ, какъ несправедливо утверждаетъ Картушинъ, а, наоборотъ, окружники отдѣлились отъ тѣхъ раскольниковъ австрійскаго согласія, которые остались вѣрны ученію и духу прежнихъ расколоучителей и только въ отличіе отъ окружниковъ получили имя неокружниковъ, или противокружниковъ.

Вотъ содержаніе единственнаго, какое извѣстно намъ, сочиненія, принадлежащаго нынѣшнему московскому архіепископу старообрядцевъ австрійскаго согласія. Какимъ же является онъ въ этомъ своемъ произведеніи?

Несомнѣнно, Картушинъ устроилъ себѣ ходячіе, общепринятыя у поповцевъ австрійскаго согласія, свидѣтельства и доказательства въ защиту ихъ іерархіи, чѣмъ, должно быть, и заслужилъ у нихъ репутацію начетчика. По уму и на питанности онъ стоитъ, конечно, выше своихъ предшественниковъ,—и Савватія и даже Антонія; но никакими выдающимися способностями не отличается. Это обыкновенный поповецъ стараго закала, крѣпко преданный расколу, упорно защищающій его, не стѣсняясь и рѣзкими выраженіями, не внимая никакимъ доказательствамъ православныхъ, давно извѣстнымъ и доселѣ непровергнутымъ. Зато онъ (и это можно поставить ему даже въ похвалу) совершенно чуждъ тѣхъ новыхъ, весьма лукавыхъ приемовъ защиты австрійскаго раскола, той особаго рода начитанности и, наконецъ, той бойкой рѣчистости, какими отличаются новѣйшіе раскольническіе «литераторы» шведовской школы, о которыхъ теперь предстоитъ намъ рѣчь.

4. Какое понятіе о расколѣ, его характерѣ и отношеніяхъ къ церкви даетъ нынѣшняя раскольническая литература?

Нынѣшніе раскольническіе писатели австрійско-окружническаго согласія, вышедшіе большею частію изъ школы Швецова, по характеру своихъ писаній представляютъ явленіе, прежде невиданное въ расколѣ. Съ прежними раскольническими писателями они имѣютъ сходство, и даже много превосходятъ ихъ, своею неразумною (а нѣкоторыя даже и напускною, неискреннею, чего у прежнихъ писателей не было) ревностью о поддержаніи раскола и ненавистью къ православной церкви, особенно къ ея пастырямъ и защитникамъ; но рѣшительно отличаются отъ

нихъ совершенно новыми способами и приемами какъ въ защитѣ раскола, такъ и въ нападеніи на церковь... Эти особенности мы и намѣрены указать.

а) Извѣстно, что свои доказательства въ защиту раскола и свои возраженія противъ церкви прежніе раскольническіе писатели заимствовали преимущественно изъ старопечатныхъ довиконовскихъ книгъ, которыя предпочитали не только древлеписьменнымъ святоотеческимъ книгамъ, но и самому священному писанію,—свидѣтельства старопечатныхъ книгъ они считали важнѣе даже свидѣтельствъ слова Божія. Напротивъ, нынѣшніе писатели шведовской школы не признаютъ уже такого авторитета за старопечатными книгами, не считаютъ ихъ непреложно истинными и даже, когда нужно, доказываютъ ихъ неосновательность и недостоверность. Они дѣлаютъ это именно въ тѣхъ только случаяхъ, *когда нужно*,—когда свидѣтельства старопечатныхъ книгъ представляютъ явное обличеніе неправды раскола и какъ такія именно указываются имъ апологетами церкви; напротивъ, ни мало не стѣсняясь явной непослѣдовательностью, на свидѣтельства тѣхъ же, признанныхъ недостоверными старопечатныхъ книгъ ссылаются какъ на несомнѣнно достоверныя, когда находятъ въ нихъ подтвержденіе любимыхъ раскольническихъ мнѣній.

Примѣръ неуважительнаго отношенія къ старопечатнымъ книгамъ первый въ старообрядчествѣ показалъ Швецовъ, вынужденный къ тому постоянными ссылками православныхъ собесѣдниковъ на уважаемыя самими старообрядцами старопечатныя книги, какъ на содержація въ себѣ рѣшительное обличеніе раскольническихъ мнѣній о церкви и іерархіи: въ упорномъ желаніи защитить эти ложныя, отчасти имъ самимъ измышленныя мнѣнія и во что бы ни стало отразить нападенія православныхъ собесѣдниковъ, Швецовъ и рѣшился подвергнуть критикѣ старопечатныя книги, даже прямо отвергнуть авторитетъ ихъ, хотя въ защиту двуперстія и другихъ своихъ «догматовъ» продолжалъ и продолжаетъ самъ же ссылаться на эти книги,

какъ на свидѣтелей авторитетнѣйшихъ. Его примѣру и слѣдуютъ воспитанные въ его школѣ новые раскольническіе писатели, также пренебрежительно относящіеся къ дониконовскимъ печатнымъ книгамъ и этимъ рѣзко отличающіеся отъ прежнихъ раскольническихъ писателей.

б) Оставивъ въ пренебреженіи старопечатныя, святоотеческія книги—главное орудіе защиты прежнихъ защитниковъ раскола, признавъ его обветшалымъ и уже негоднымъ, или мало годнымъ къ употребленію, нынѣшніе раскольническіе писатели австрійско-окружническаго толка обратились къ другимъ орудіямъ для защиты своихъ мнѣній и для борьбы противъ церкви, о какихъ прежде не могло даже и помыслить старообрядчество: для этой защиты и борьбы они стали, и съ особеннымъ усердіемъ, искать себѣ помощи въ сочиненіяхъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей самой, какъ они выражаются, «никоніанской» церкви, даже въ иностранныхъ книгахъ, католическихъ и протестантскихъ.

Правда, и первые раскольническіе писатели обращались къ «никоніанскимъ» книгамъ, чтобы указать въ нихъ разныя, по ихъ мнѣнію, новшества и еретичества; затѣмъ Андрей Денисовъ тщательно разбиралъ и вновь являвшіеся полемическія противъ раскола сочиненія православныхъ, стараясь показать ихъ неосновательность и погрѣшности; а въ недавнее время, при Антоніи Шутовѣ, когда уже секретаремъ и признаннымъ «богословомъ» состоялъ при немъ Онисимъ Швецовъ, съ особымъ усердіемъ выбирались изъ полемическихъ же православныхъ сочиненій «жестокословныя» порицанія именуемыхъ старыхъ обрядовъ, и изъ нихъ составлялись цѣлыя тетрадки для распространенія среди старообрядцевъ съ тою цѣлю, чтобы показать этимъ послѣднимъ, какъ смотреть будто бы православная церковь на ихъ любимые обряды и тѣмъ еще больше вооружить ихъ противъ церкви и еще больше закрѣпить въ расколѣ.

Но всѣ эти прежніе раскольническіе аподсеты обраща-

лись къ «никоніанскимъ» писателямъ, какъ къ противникамъ и врагамъ старообрядчества, чтобы съ указанною цѣлю выставить ихъ, а вмѣстѣ съ ними и всю церковь, именно такими врагами не только предъ раскольниками, но и предъ тѣми почитателями старообрядчества, которые еще не принадлежали къ расколу, однако были наклонны къ нему и могли быть легко уловлены въ расколъ. Напротивъ, нынѣшніе раскольническіе писатели австрійско-окружническаго толка ищутъ въ «никоніанскихъ» писателяхъ прямыхъ себѣ союзниковъ и единомышленниковъ, ищутъ у нихъ не рѣзкихъ отзывовъ о любимыхъ раскольническихъ мнѣніяхъ, а положительныхъ свидѣтельствъ въ защиту этихъ мнѣній и раскола вообще. Въ силу извѣстнаго изреченія: «отъ врагъ свидѣтельство достовѣрнѣе», старообрядцы и прежде, конечно, пользовались въ рѣдкихъ случаяхъ подобнаго рода свидѣтельствами; но такое широкое и постоянное пользованіе свидѣтельствами «враговъ», выдаваемыхъ притомъ за союзниковъ и единомышленниковъ, какое усвоили себѣ нынѣшніе раскольническіе писатели швецовской школы, есть явленіе доселѣ невиданное въ расколѣ и рѣзко отличаетъ ихъ отъ раскольническихъ писателей прежняго времени.

Надобно признать, къ сожалѣнію, несомнѣннымъ, что появленію этой новой особенности въ нынѣшней раскольнической литературѣ способствовали сами тѣ писатели—нераскольники, которыми она пользуется теперь такъ широко. Въ шестидесятыхъ годахъ (годы печальной памяти!) вслѣдъ за знаменитымъ историкомъ Россіи, такъ тенденціозно изобразившимъ самыми мрачными красками личность и дѣятельность патріарха Никона, выступали со всѣмъ ужъ незнаменитые писатели либеральнаго лагеря, начавшіе вкривъ и вкось, съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ къ церкви и съ явнымъ (въ своихъ цѣляхъ) сочувствіемъ расколу, толковать о происхожденіи и исторіи раскола, о дѣйствіяхъ церкви и государства въ отношеніи къ расколу и т. д.,—то въ предисловіяхъ къ по-

явившимся тогда кожанчиковскимъ изданіямъ старыхъ раскольническихъ сочиненій, то въ журнальныхъ статьяхъ, то въ отдѣльныхъ книжкахъ. Понятно, что раскольники не могли оставить это безъ вниманія. Они почувствовали, что для нихъ настали лучшія времена, начали вообще дѣйствовать смѣлѣе, а ихъ писатели тогда же стали приводить и повторять въ своихъ сочиненіяхъ не только рѣзкіе отзывы знаменитаго историка о патр. Никонѣ ¹⁾, но и пустозвонныя фразы либеральныхъ авторовъ о несправедливыхъ якобы и жестокихъ гоненіяхъ на расколъ, о виновности самой церкви въ происхожденіи и распространеніи раскола и т. д. Въ семидесятыхъ годахъ новое, еще болѣе благоприятное для раскола событіе составили происходившіе тогда петербургскія публичныя пренія о нуждахъ Единовѣрія. Здѣсь уже не какой-нибудь либеральный борзописецъ, а серьезный и притомъ стоявшій высоко въ служебной іерархіи ораторъ выступилъ съ обличеніями противъ собора 1667 года и противъ церковной власти за ея отношенія къ старообрядцамъ и такъ называемымъ старымъ обрядамъ. Съ нимъ вмѣстѣ гораздо менѣе сдержаннымъ, можно сказать даже необузданнымъ обличителемъ тѣхъ же мнимыхъ несправедливостей и даже преступленій церкви предъ расколомъ явился одинъ изъ единовѣрческихъ священниковъ (В.....) въ своихъ печатныхъ статьяхъ и особенно въ рукописныхъ, которыя въ большомъ количествѣ списковъ распространялись среди раскольниковъ. Обонхъ горячо восхваляли и поддерживали газетчики и писатели того направленія, единственнымъ представителемъ котораго теперь выдаетъ себя извѣстный панегиристъ раскола—Ш..... Все это было съ радо-

¹⁾ Примѣръ такого пользованія враждебными церкви историками показалъ еще Павелъ Бѣлокриницкій. Въ своей „Третьей части Церковной исторіи“, излагая въ самомъ превратномъ видѣ жизнь и дѣятельность патр. Никона, онъ ссыдался весьма часто на Берха, который гораздо ранѣе Соловьева выступилъ съ рѣзкими отзывами о личности и дѣятельности знаменитаго патриарха.

стію привѣтствовано раскольниками. В.....му они подносили даже благодарственные адреса за его защиту раскола, а «Протоколы» петербургскихъ чтеній о Единовѣрїи сдѣлались однимъ изъ самыхъ любимыхъ орудій, къ которому прибѣгаютъ нынѣшніе раскольническіе писатели въ борьбѣ противъ церкви. Наконецъ, къ великой радости раскольниковъ, явились даже ученые высшей духовной школы, приравнявшіе на себя непохвальный трудъ доказать преимущественную древность двуперстія и другихъ употребляемыхъ раскольниками обрядовъ въ сравненіи съ такъ-называемыми исправленными (а точнѣе—возстановленными въ ихъ первоначальной древности),—они стали утверждать, что двуперстіе будто бы заимствовано русскою церковію отъ греческой при самомъ введеніи христіанства въ Россію. Этихъ ученыхъ раскольническіе писатели признали великими авторитетами, ихъ свидѣтельства, какъ послѣднее слово науки, они при каждомъ удобномъ случаѣ поставляютъ теперь на видъ, доказывая мнимую правоту раскола.

И вотъ, вмѣсто старопечатныхъ церковныхъ и святоотеческихъ книгъ, на которыя именно опирались старообрядцы прежняго времени въ защитѣ своихъ любимыхъ мнѣній, нынѣшніе раскольническіе писатели ищутъ себѣ опоры въ сочиненіяхъ новыхъ, и притомъ «никоніанскихъ», писателей,—въ этихъ послѣднихъ видятъ наиболѣе сильныхъ и авторитетныхъ защитниковъ основныхъ раскольническихъ мнѣній и самаго раскола. И нужно отдать имъ справедливость,—они съ рѣдкимъ усердіемъ слѣдятъ теперь за всѣми выходящими въ свѣтъ сочиненіями православныхъ писателей, стараясь отыскать въ нихъ хотя бы что-нибудь благоприятствующее ученіямъ раскола, чѣмъ могли бы воспользоваться для своихъ возраженій противъ церкви. Дѣйствительно, нельзя не подивиться усердію, съ какимъ они читаютъ эти сочиненія, и тому искусству, съ какимъ отыскиваютъ въ нихъ неосторожныя, т. е. благоприятствующія расколу выраженія, —они отыскивали ихъ даже въ книжкахъ о. Д.....

Не ограничиваясь самостоятельными трудами православных писателей, они стали читать и их переводныя изданія, въ той же надеждѣ найти и здѣсь что-либо въ оправданіи раскола,—и вотъ въ сочиненіяхъ нынѣшнихъ раскольническихъ писателей мы встрѣчаемъ даже ссылки на Фаррара, Робертсона и другихъ протестантскихъ писателей. Положимъ, что и прежніе, даже первые раскольническіе писатели позволяли себѣ приводить свидѣтельства католическаго историка—Баронія; но такъ какъ на Баронія дѣлались ссылки еще въ довиконовскія времена, (напр., въ *Книжѣ о отърѣ*, гл. 27), то пользоваться имъ, несмотря на его католическія тенденціи, не считалось у старообрядцевъ предосудительнымъ. А ссылки на Фаррара и Робертсона, притомъ не въ подтвержденіе какихъ либо историческихъ фактовъ, а въ оправданіе тѣхъ или иныхъ раскольническихъ мнѣній догматическаго и каноническаго характера, составляютъ несомнѣнно явленіе, доселѣ невиданное въ расколѣ¹⁾.

Здѣсь нужно отмѣтить одну особенность, или уловку, допускаемую раскольническими писателями въ этомъ широкомъ пользованіи православными авторами. Вылавливая у нихъ всякое благопріятное для раскола свидѣтельство и даже выраженіе, они обыкновенно, съ свойственною имъ беззащитностью, совершенно игнорируютъ, или замалчиваютъ иногда прямыя даже обличенія раскола, находящіяся у тѣхъ же самыхъ авторовъ и въ тѣхъ же самыхъ сочиненіяхъ, случается, на тѣхъ же самыхъ страницахъ, откуда взяли угодное имъ свидѣтельство, или выраженіе. Особенность, тоже характеризующая нынѣшнихъ раскольническихъ писателей.

в) Въ связи съ указанною широкою начитанностью

¹⁾ И сами сознавая несообразность своихъ ссылокъ на протестантскія, „еретическія“, сочиненія, раскольническіе писатели оправдываются тѣмъ, что переводы ихъ принадлежатъ православнымъ богословамъ и одобрены духовной цензурой.

нынѣшнихъ раскольническихъ писателей должно отмѣтить въ нихъ еще слѣдующую характерную черту, которою они также рѣзко отличаются отъ раскольническихъ писателей прежняго времени, — именно усвоенный ими складъ рѣчи, или языкъ, мало отличающійся отъ современнаго литературнаго языка и совсѣмъ отличный отъ того, какимъ писали прежде вполне грамотные раскольническіе авторы (Денисовы съ ихъ учениками, Иванъ Алексѣевъ и др.) и какимъ пишутъ доселѣ малограмотные, воспитавшіеся на старопечатныхъ книгахъ. Едва ли кто изъ нынѣшнихъ раскольническихъ писателей получилъ полное школьное образованіе, которое могло бы научить ихъ литературно писать: поэтому можно полагать, что они усвоили себѣ, хотя и не вполне, это искусство, постоянно читая съ указанною выше цѣлю сочиненія православныхъ писателей духовныхъ и свѣтскихъ и стараясь подражать ихъ рѣчи. Правда, въ ихъ писаніяхъ значительная доля участія принадлежитъ одному (а можетъ быть и не одному) изъ писателей—нераскольниковъ, который продался на службу расколу,—его рука замѣтно прошла по многимъ новѣйшимъ раскольническимъ сочиненіямъ писателей шведовской школы, исправляя именно литературные промахи и дѣлая своего рода дополненія, которыми особенно ясно и обличается это участіе; но такіе писателя, какъ Механиковъ, братья Мельниковы, отчасти Усовъ и Бриліантовъ, повидимому, и сами уже въ достаточной степени усвоили умѣнье—писать бойко и почти литературно. Желательна ли для раскола эта бойкая, почти литературная рѣчь? соответствуетъ ли она характеру раскола и самому содержанію раскольнической литературы? Сомнительно; а то не подлежитъ сомнѣнію, что она рѣзко отличаетъ сочиненія нынѣшнихъ раскольническихъ писателей австрійско-окружническаго толка отъ раскольническихъ сочиненій прежняго времени.

г) Въмѣстѣ съ бойкой литературной рѣчью нынѣшніе раскольническіе писатели австрійско-окружническаго толка

усвоили себѣ діалектическое искусство сбивать читателей, особенно читателей изъ старообрядцевъ, ловко составленными софизмами, что также является видной особенностью ихъ сочиненій. Искусствомъ составлять софизмы отличался еще Андрей Денисовъ, наиболѣе крупный и типичный раскольнической писатель стараго времени; но его нынѣшніе подражатели въ расколѣ, можно сказать, далеко превзошли его въ этомъ отношеніи.

Наконецъ д) самую примѣчательную особенность новѣйшихъ раскольническихъ писателей—поповцевъ составляетъ господствующая въ ихъ сочиненіяхъ озлобленная и крайне дерзкая брань на православную церковь, ея священноначаліе и ея защитниковъ, подвизающихся въ борьбѣ съ расколомъ. Они истожили, кажется, весь запасъ ругательства самыхъ грубыхъ и дерзкихъ, всякой лжи и клеветы, говоря о церкви и ея служителяхъ, такъ что въ этомъ отношеніи если не превзошли знаменитаго протопопа Аввакума, то едва ли не сравнялись съ нимъ. Откуда же явился эта, со временъ Аввакума неслыханная въ расколѣ, дерзость, съ какою питомцы швецовской школы, разные Мельниковы, Усовы, Бриліантовы расточаютъ брань и клеветы на православную церковь и въ бесѣдахъ съ православными и въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ? Она есть прямое послѣдствіе тѣхъ послабленій расколу со стороны правительства и тѣхъ заигрываній съ расколомъ нашей либеральной печати, которыя продолжались столько времени и доселѣ еще не совсѣмъ прекратились. Ободренные ими и подъ ихъ вліяніемъ почувствовавшіе полную безопасность, возмечтавшіе даже о возможномъ будто бы торжествѣ раскола надъ церковію, раскольническіе ратоборцы бросили всякую сдержанность въ своихъ отзывахъ о церкви и всякое приличіе въ отношеніи къ служителямъ и защитникамъ церкви, явились во всей своей безобразной наготѣ, безъ удержу расточая всякую брань на нихъ и всякую клевету. Эта безобразная особенность новѣйшей раскольнической литературы, именно

окружнической, есть такимъ образомъ явленіе весьма характерное, и по своему происхожденію и значенію заслуживаетъ особеннаго вниманія. Надобно впрочемъ замѣтить, что въ настоящее время сами старообрядцы изъ болѣе или менѣе разсудительныхъ осуждаютъ уже эту дерзкую брань ихъ писателей на православную церковь, опасаясь, какъ бы не навлекла она справедливую кару правительства на расколъ; а такъ какъ опасенія эти, повидимому, начинаютъ сбываться, то можно ожидать, что слишкомъ зарвавшіеся въ своей брани на церковь ратоборцы раскола сдѣлаются въ этомъ отношеніи нѣсколько воздержнѣе.

Мы не приводимъ примѣровъ, или выписокъ изъ самыхъ раскольническихъ сочиненій въ подтвержденіе указанныхъ нами особенностей новѣйшей раскольнической литературы, созданной Швецовымъ и его питомцами, такъ какъ это слишкомъ расширило бы предѣлы нашей статьи. И нашею цѣлію было—только указать эти особенности. А многочисленные примѣры ихъ сами читатели легко найдутъ, если дадутъ себѣ трудъ просмотрѣть хотя бы только «Разборъ отвѣтовъ на 105 вопросовъ», — наиболѣе примѣчательное изъ новѣйшихъ раскольническихъ сочиненій, составляющее совокупный трудъ всѣхъ питомцевъ Швецова, произведенный подъ его руководствомъ, хотя авторомъ его и названъ одинъ Усовъ. И сдѣлать это для читателей нетрудно, такъ какъ названное сочиненіе, подробно разбираемое Е. А. Антоповымъ, печатается подъ нашей редакціей въ *Душеполезномъ чтеніи*, а въ подсрочныхъ къ нему примѣчаніяхъ мы указываемъ главнымъ образомъ тѣ именно особенности его, о которыхъ, какъ общей принадлежности новѣйшей раскольнической литературы австрійско-окружническаго толка, говоримъ въ настоящей статьѣ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Декабря 18 дня 1900 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

Москва. Университетская типографія, Страстной бульваръ.

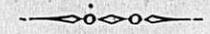
100
385

801-35
2479-9

801-15
648

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ
ПО ВОПРОСАМЪ О РАСКОЛѢ.

Профессора Н. И. Субботина.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ ПО ВОПРОСАМЪ О РАСКОЛѢ.

1. Что нужно, чтобы ослабить и даже уничтожить расколъ.

I.

«Расколъ—плодъ невѣжества; дайте въ руки раскольнику грамматику, и расколъ не существуетъ. Онъ тогда будетъ читать свои же книги, которыя его же осудятъ».

Вотъ какъ легко рѣшается вопросъ о прекращеніи раскола въ русской церкви: нужно дать въ руки раскольникамъ грамматику—и раскола не существуетъ!

На такое оптимистически-смѣлое заявленіе не стоило бы, конечно, обращать вниманіе, если бы оно не принадлежало столь извѣстному о. Пафутію. По крайней мѣрѣ приведенныя слова обвародованы какъ принадлежащія именно о. Пафутію однимъ *Русскимъ*, не такъ давно встрѣтившимся съ нимъ и бесѣдовавшимъ въ Вѣлой-Криницѣ (см. *Церков. Вѣстн.* 1900 г. № 8).

Отецъ Пафутій — человекъ въ совершенствѣ знающій расколъ, — въ расколѣ родился и провелъ почти сорокъ лѣтъ жизни, былъ раскольническимъ епископомъ, очень извѣстнымъ и вліятельнымъ; онъ и теперь живетъ въ раскольнической средѣ, имѣетъ всѣ средства ближайшимъ образомъ наблюдать за положеніемъ раскола: его отзывъ о расколѣ повтому долженъ имѣть особенно важное значеніе. Притомъ же онъ высказалъ мнѣніе довольно распространенное у насъ, особенно среди свѣтскихъ писателей, трактующихъ о расколѣ.

И однако согласиться съ такимъ заявленіемъ и мнѣніемъ нельзя.

Во-первыхъ, самая аргументація его не выдерживаетъ критики. Грамматика, или точнѣе—грамотность, школьное образованіе признаются рѣшительнымъ средствомъ для преращенія раскола потому, что «расколъ есть плодъ невѣжества». Уничтожьте невѣжество, причину раскола: не останется и раскола.

Есть, конечно, большая доля правды въ этомъ, очень также распространено мнѣніе, что расколъ произведенъ и держится невѣжествомъ, но только именно доля, хотя и весьма значительная. Происхожденію раскола способствовали, равно какъ способствуютъ его поддержанію доселѣ, и другія не менѣе и даже болѣе важныя причины. Если держаться указанной, въ сущности справедливой, аргументаціи, то надобно говорить: уничтожьте всю совокупность причинъ вызвавшихъ и поддерживающихъ расколъ, и раскола не будетъ. А устраненія одного только присущаго расколу невѣжества недостаточно для этого.

И сама живая дѣйствительность,—то, что мы видѣли и видимъ въ расколѣ,—доказываетъ, что незнаніе грамматики, отсутствіе школьнаго образованія не составляетъ еще рѣшительнаго препятствія къ выходу изъ раскола, равно какъ усвоеніе грамматическихъ, вообще научныхъ знаній, даже полное школьное образованіе не служатъ вѣрнымъ къ тому способомъ. За примѣрами, доказывающими это, ходить недалеко. Самому о. Пафнутію не грамматика, въ знаніи которой онъ былъ не очень силенъ, и не школьное образованіе, котораго онъ совсѣмъ не имѣлъ, помогли усмотрѣть и понять всю ложь раскола, даже ясно указать и открыть ее другимъ, такъ что онъ сдѣлался инициаторомъ извѣстнаго обращенія къ церкви епископовъ и другихъ членовъ австрійской іерархіи. Еще болѣе яркій примѣръ представляетъ о. Павелъ Прусскій. Для него грамматика до конца жизни осталась чуждою, онъ даже не особенно заботился объ усвоеніи ея правилъ и также ни въ

какой школѣ не учился; однакоже твердо и послѣдовательно пришелъ къ выходу изъ тьмы раскола, притомъ безпоповщинскаго раскола, на свѣтъ православія, сдѣлался замѣчательнѣйшимъ въ наше время защитникомъ церкви противъ раскола, оставилъ въ наслѣдіе намъ такія сочиненія, которыя своимъ появленіемъ образовали эпоху въ нашей противораскольнической литературѣ, самъ непосредственно своею проповѣдію и чрезъ посредство многочисленныхъ учениковъ своихъ, сдѣлавшихся проповѣдниками православія среди раскольниковъ, привелъ изъ раскола въ церковь тысячи заблуждавшихся. А вотъ братья Денисовы изучили въ совершенствѣ и грамматику, и риторику, и поэзію, и даже философію, писали съ безукоризненною въ грамматическомъ отношеніи правильностію, усвоивъ вполне господствовавшую тогда въ духовной и свѣтской литературѣ латинскую конструкцію рѣчи, отличались даже ухищреннѣйшимъ витійствомъ, образовали въ безпоповщинѣ цѣлую литературную школу, послѣдователи которой также твердо знали и грамматику и риторику. И однако вся эта «ученость» не только не вывела ихъ изъ раскола въ церковь, а еще сдѣлалась для нихъ орудіемъ для защиты раскола противъ церкви,—въ теченіе всей жизни они боролись этимъ орудіемъ съ защитниками православія и въ своихъ «Поморскихъ Огвѣтахъ» и другихъ сочиненіяхъ, наполненныхъ всякаго рода ухищреніями и діалектическими тонкостями, оставили въ наслѣдіе расколу такое пособіе для его защиты и даже для нападений на церковь, которымъ и доселѣ онъ продолжаетъ пользоваться. И въ наше время Онисіемъ Швецовъ, именуемый епископомъ Арсевій, несомнѣнно знакомый съ грамматикой, достигъ того, что пишетъ почти совсѣмъ грамотно, поучился немного даже и по-гречески (это занятіе онъ оставилъ, какъ только понялъ, что знаніе греческаго языка ведетъ не къ оправданію раскола); но усвоеніе научныхъ свѣдѣній не только не привело его къ уразумѣнію ложности раскола, а какъ будто еще болѣе укрѣпило въ расколѣ, и не удержало отъ про-

